

Вопросы экономики и права

№ 2
2010

Научно-информационный журнал

В НОМЕРЕ:

Беляев М.А. Понятие и структура юридической интерпретации	5
Милова Е.А. К вопросу о категории “субъект публичного права”	10
Максуров А.А. Об уголовной ответственности должника по невыполненным денежным обязательствам	15
Самсонов С.А. Основные направления функционирования институционально-правового механизма в области инвестиционной активности региона	18
Алпатов А.А. О законе стоимости. Концепция двух экономических равновесий	23
Токарев В.А. Право на репрезентацию и право на дискуссию - структурные элементы парламентаризма	37
Колесников Г.Г. Таможенные услуги как результат взаимодействия частного и публичного в таможенном законодательстве	42
Родиков Ю.Ю. Война и государство: динамическая и субстанциальная основы политической сферы общества в концепции Э. Юнгера	48
Annotations to the Articles	53

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

© 2010 М.А. Беляев

Воронежский государственный университет

Рассматривается феномен юридической интерпретации. Изучаются субъекты интерпретативной деятельности, ее основные стратегии и функции. В итоге дается новое комплексное определение юридической интерпретации как процесса творческого самообновления правовой действительности.

Выбор субъектом интерпретативной стратегии всецело зависит от конкретного субъективного интереса (в то время как выбор им метода толкования обусловлен многими объективными факторами, о которых мы говорили раньше), а последний непосредственным образом связан с той функцией, которую осуществляет субъект в нормативном поле. Связь здесь такова: естественным пределом интереса для субъекта является надлежащее осуществление своей функции.

Субъект - носитель обыденного правосознания, как кажется на первый взгляд, никакой специальной функции не выполняет, поскольку его поведение, в той части, в которой оно нормировано публичной властью, представляет ценность в случае следования действующим нормам. Государственная власть "обращает внимание" на человека тогда, когда он нарушает правовые установления (в таком случае возможно применение каких-либо мер принуждения), но здесь опять-таки нет речи о специальной функции. Собственная активность субъекта имеет место в ином случае - если гражданин желает совершить какое-либо юридически значимое действие (заключить договор купли-продажи, написать завещание, обратиться с иском в суд). В данном случае более корректно говорить о том, что человек пытается удовлетворить с помощью юридических норм свой интерес (получивший в исследовательской литературе наименование законного интереса - по признаку связанности способа удовлетворения с использованием доступных правовых средств), свою потребность. Следовательно, в данной ситуации обозначается реальная функция субъекта - инициирование правовой коммуникации, соответственно чему строится и толкование права. Ясно, что переход от знаково-символической формы права к его осуществлению в реальности требует соединения интеллектуальных и волевых усилий субъектов правовой коммуникации, притом что любая интерпретативная стратегия нацелена на конкретный результат, имеющий отношение не к тексту, а к реальности, т.е. выходящий за рамки права.

* Окончание статьи. Начало см.: Вопросы экономики и права. 2010. № 1.

Особенность повседневно-обыденного познания права заключается в том, что индивид не мыслит себе сложное нормативное обоснование юридического спора, в который он вовлечен (да и сам юридический характер этого спора не всегда осознается). Опорные пункты индивидуального мышления есть факты личной жизни - как уже состоявшиеся, так и ожидаемые. Для того чтобы желаемый результат действительно мог наступить, субъект вступает в целый ряд коммуникативных актов (он общается с контрагентом по сделке, с нотариусом, сотрудником органов внутренних дел, адвокатом, судьей и т.п.). Точнее, субъект оказывается вовлеченным в сложный процесс знаково-символического обмена помимо своего желания (часто право изначально воспринимается исключительно в негативном ключе, а всякая жизненная проблема, требующая правового решения, заставляет воспринимать закон в положительном свете, порождая у человека определенный когнитивный диссонанс). Но ограниченность личного опыта индивида и "фактуальность" его мышления накладывают отпечаток на то, как он толкует правовую норму. Говоря коротко, основной своей задачей индивид избирает "запуск" в действие правового (не обязательно принудительно-властного) механизма решения собственной проблемы (речь, безусловно, идет не только о тех вопросах, которые потенциально могут быть решены в правовом поле, но и о других случаях, в которых индивид рассчитывает на принудительное вмешательство представителей государственной власти¹). Следовательно, субъекту необходимо каким-то образом обозначить себя как участника правовой коммуникации, как-то вписаться в сложную систему взаимодействий в данной сфере. И в этом смысле стратегия индивида может быть названа *интерпретативно-апеллятивной* (лат. *appello* - обращаться к кому-либо за чем-либо). Ее главные особенности таковы:

- отсутствие рациональной реконструкции любых контекстов интерпретации (темпорального, локального), отсутствие рефлексии над интерпретативной деятельностью;

- установление непосредственной связи известной нормы с собственным статусом и личными потребностями;

- игнорирование коммуникативных барьеров, связанных как со специфическими процедурными правилами оформления юридически значимых действий, так и с использованием особого юридического языка;

- преобладание установки индивида-коммуникатора на убеждение своего реципиента в полезности, целесообразности предлагаемого варианта толкования нормы права;

- нацеленность на сохранение в желаемом коммуникативном пространстве уже известного (порой даже очевидного) смысла используемой в качестве аргументации правовой нормы.

Возможно, естественно, эксплицировать и ряд других специфических черт, однако, по нашему мнению, того, что уже названо, достаточно для главного вывода: обыденное правосознание ограничивается фрагментарной репрезентацией объекта познания, сопряженной со стихийно-интуитивным определением базиса достоверности совершаемого интерпретативного акта через убеждение в личной полезности построенного на данной интерпретации коммуникативного пространства.

Логика профессионального правосознания принципиально иная: субъект в данном случае нацелен на вынесение решения по тому или иному вопросу, т.е. на применение нормы права, на ее аппликацию к реальной ситуации. Данная задача коренным образом меняет интерпретативную стратегию, для которой становится характерным следующее:

- субъект, подыскивая нормативное основание для разрешения дела, рассматривает не только непосредственное содержание правовой нормы, но и ее свойства - действующая она на данный момент или нет, не входит ли она в противоречие с актами, изданными вышестоящими органами власти, не ограничена ли эта норма в действии какими-либо факторами (местом, временем, субъектным составом, другой нормой и пр.);

- субъект, применяющий норму, не связан доводами обратившегося к нему лица, т.е. предлагаемые варианты истолкования того или иного закона не ограничивают свободу субъекта самостоятельно исследовать правовой текст (правоприменитель, если он уже выстроил собственный смысл правовой нормы, не обязан также иссле-

довать правильность или истинность предлагаемых ему суждений о порядке и способе применения данной нормы);

- субъект стремится найти для необходимой нормы официальное толкование, ограничивается им, если оно найдено, и ориентируется на него в процессе подготовки и вынесения собственного решения (истинность официальной интерпретации не критикуется и не доказывается субъектом);

- в целях построения коммуникативного пространства проводится специальное исследование документальной стороны правового спора (прочитываются протоколы следственных действий, изучаются вещественные и документальные доказательства, показания свидетелей, специалистов, экспертов, рассматриваются заявления, справки, выписки из реестров и пр.) на предмет обоснованности того или иного варианта решения;

- определяется правомерность требований лица, подавшего заявление с просьбой о разрешении проблемы (т.е. соизмерение текста нормы и реальных событий, притом что специально проверяется соблюдение формальных требований к обращению коммуниканта, исследуется адекватность фиксации его потребностей в терминах специализированного языка);

- принимается решение о достаточности фактических и юридических оснований для применения данной нормы права (наличие рефлексивного момента, поскольку субъект здесь самостоятельно ограничивает собственный познавательный процесс, ориентируясь на различные критерии, прежде всего - на достижение цели применения правовой нормы);

- осуществляется принятие решения по спору, а также письменная фиксация этого решения в необходимой форме с использованием особого юридического языка и непременно указанием на результат интерпретативного акта как основание принятия решения.

Данную стратегию субъекта можно назвать *интерпретативно-аппликативной*, что подчеркивает ее основную цель (*applicatio* - применение). Отметим, что критерий адекватности интерпретации здесь более сложный, он заключен в понятии законности (подчеркивается как содержательный момент реализации требования правового акта, так и формальный момент, т.е. соблюдение надлежащих процедур, стадий принятия решения). Зачастую принятие решения на основании критерия законности бывает сопряже-

но с таким базисом достоверности, как подтвержденность правильности аналогичных решений ретроспективно проанализированной практикой (тогда множество возможных решений ограничивается теми, которые наиболее часто встречаются в аналогичных случаях, имевших место в прошлом: это касается и образцов интерпретации, если они исходят от вышестоящей инстанции или иного высшего органа власти).

Итак, поскольку право - как всякий инструмент - познается главным образом в действии, в процессе применения, профессиональное юридическое познание выходит за пределы обыденного мышления и раскрывает новые грани правовых феноменов. Как видим, применение нормы с точки зрения теории познания есть процесс более сложный, нежели простое соизмерение субъектом своих поступков с тем или иным правилом. Аппликация нормы сопряжена не только с ее интерпретацией в отрыве от неюридической сущности правового спора (толкование-абстракция), но и с необходимостью понимания аргументов, приводимых участниками конфликта. Если рассматривать оперирование субъекта со смыслами, извлекаемыми из текстов, то стоит заметить: профессиональное правосознание крайне редко создает новые смыслы юридических норм, гораздо чаще имеют место процессы сохранения известного смысла или его разъяснения.

Главной установкой интерпретатора является сохранение законности данного решения и его органической связи с решениями, принятыми ранее в данном нормативном поле (принцип прецедентности). Поэтому иногда субъект оказывается перед выбором - либо вынести действительно справедливое решение (а справедливость здесь выступает как еще один, интуитивно осознаваемый, неотрелфлексированный, ценностно-окрашенный критерий правильности решения), либо вынести более сомнительное с позиции справедливости решение, но остаться в рамках сложившейся системы прецедентов. Необходимость данного выбора порождает у субъекта ряд специфических мыслительных процедур, носящих исследовательский характер (направленных на более глубокое, продуманное обоснование избранной позиции). В конечном счете профессиональное правосознание вплотную подходит к пределу своего функционирования, к осознанию того, что за более или менее определенными критериями целесообразности, процедурной безупречности, за-

конности необходимо усмотреть новый, более сложный критерий верности юридической интерпретации - ее рациональность. Констатация этого факта достаточна для перехода на новый уровень мыследеятельности, на уровень научного осмысления правовой действительности (следует помнить о том, что функция субъекта по применению норм права не только ограничивает его правосознание, но и сообщает ему дальнейший импульс для развития - здесь мы наблюдаем диалектическое единство противоположностей).

Научное исследование правового текста предполагает не только расширение степени свободы интерпретатора, но и уяснение определенных закономерностей правовой действительности. В ходе рационализации правового дискурса проявляются такие специфические признаки научной интерпретации права, как:

- крайне усложненная система применяемых методов истолкования (сюда входит филологический анализ текста, проверка соответствия текста и многочисленных его контекстов, попытка связать содержание конкретного текста с известными свойствами права, функциональный анализ деятельности субъектов нормативного поля);

- установка на объективность отражения реально существующих связей правовой действительности, центрированных вокруг субъекта нормативного поля (базис достоверности научной интерпретации - закономерность исследуемого объекта);

- вариативность работы со смыслами (научное исследование может не только отыскивать новые смыслы в тексте (конструировать их), но и разрушать смысловое пространство интерпретируемого текста (в том случае, когда обыденное или профессиональное отношение к тексту идет по ложному, иллюзорному пути - в силу мифологием мышления, идеологического фактора));

- исследователь правовой действительности преследует цель конституирования общего коммуникативного пространства, куда в качестве полноправных участников включаются не только ученые (как специалисты в области юриспруденции, так и социологи, философы, политологи, лингвисты), но и все, кто имеет отношение к властным структурам и политической сфере в целом, поскольку познание права своим конечным итогом имеет "выход" в практику, т.е. ориентировано на совершенствование правовой действительности, на создание с помощью права более про-

дуктивных и гибких средств удовлетворения человеком своих потребностей.

Мы уже говорили о том, что всякая интерпретация чем-либо ограничена. Поскольку таких ограничений существует много (начиная от условий самой ситуации и заканчивая достигнутой целью истолкования), каждый феномен правовой действительности может быть истолкован определенное (конечное) число раз. При этом не существует абсолютно истинной и абсолютно ложной интерпретации (поскольку данной интеллектуальной процедуре присущ принцип диалогизма и консенсуальности). Следовательно, юридическая интерпретация всегда протекает в виде реализации одного из ожидаемых вариантов операции со смыслом.

Научная интерпретация правовой действительности использует, как это было показано выше, специфическую стратегию, преследующую цель создания максимально широкого коммуникативного пространства, в котором осуществлялись бы функции объяснения закономерностей правовой действительности и воздействия на нее для дальнейшей рационализации правового дискурса. Следовательно, допустимо называть указанную стратегию *интерпретативно-экспликативной*. Ясно, что структура ее действительно наиболее сложна - объяснение правовой нормы включает в себя не только системную интерпретацию самой нормы, но и аналитическое исследование закономерностей использования данной нормы в прочих когнитивно-ценностных стратегиях (апеллятивной и аппликативной) - и такая сложность имеет место только в отношении единичной нормы, не учитывая при этом всего перечня элементов правовой действительности, в том числе разного рода контекстов.

Как видно, степень свободы интерпретатора максимальна в двух случаях: если речь идет об обыденном правосознании и если подразумевается деятельность ученого. Профессиональное отношение к правовой действительности гораздо более ограничено, в том числе при выборе средств познания: так, к примеру, субъект-правоприменитель не проводит мысленного или реального эксперимента, старается также не высказывать гипотез (за исключением случаев, когда это предполагается его функцией, что мы видим на примере следователя).

Однако в рамках обыденного сознания свобода иллюзорна, в действительности она являет-

ся не чем иным, как произволом в познании и понимании права и в деятельности в нормативном поле. Право здесь для субъекта остается информационным (вернее - псевдоинформационным) хаосом, в котором у него нет никакого желания разбираться. Ценность права в восприятии субъекта в данном случае остается на минимально возможном уровне (или переходит в отрицательную плоскость).

Противоположную позицию занимает исследователь. Он действительно свободен в познании права, которое в случае с научным подходом является тождественным его (права) пониманию. Только научный взгляд (именно взгляд, т.е. принципы мышления, а вовсе не официальный статус) позволяет творчески относиться к правовой действительности, усваивать циркулирующие внутри ее ценности, осознанно использовать богатейший юридический инструментарий, выходя в пространство рефлексивного мышления и критики. На этом уровне осмысления интерпретация приобретает экзистенциальную значимость: субъект полагает истолкование способом своего существования в мире.

Сформулируем выводы, касающиеся феномена юридической интерпретации.

1. Общей целью интерпретативного акта является создание и поддержка в актуальном состоянии коммуникативного пространства между субъектами как среды, пригодной для обмена смыслами правовых текстов с целью дальнейшей объективации данных смыслов.

2. Интерпретативная деятельность может быть редуцирована к следующим операциям со смыслами:

- разъяснению смысла;
- его конструированию;
- сохранению смысла от разрушения;
- разрушению смысла.

3. Общая структура интерпретативного акта (и последовательность его осуществления) такова:

- текстуализация действительности (перевод реальной практической ситуации - "плана содержания" - в знаково-символическую систему - "план выражения");

- работа в пространстве юридических текстов и внетекстовых (в том числе неюридических) критериев с юридическими смыслами;

- овнешнение текстуального результата, воплощение юридического смысла в действительность.

4. Юридическая интерпретация включает в себя объект интерпретации, действующих субъектов, интерпретативные стратегии и смыслы отдельных феноменов правовой действительности.

5. По мере усложнения правовой действительности более разнообразными становятся и процессы смыслообразования внутри нее. Интерпретирующее отношение человека к праву может в результате поэтапного совершенствования достигнуть научного уровня, на котором, во-первых, достигается тождество познания и понимания права, во-вторых, максимально рационализуется правовой дискурс, в-третьих, понимание права приобретает онтологический статус.

6. Юридическая интерпретация выполняет как гносеологическую (познание права), так и праксеологическую (формирование желательной модели поведения субъекта в нормативном поле) функции. Кроме того, интерпретация обеспечивает возможность соционормативного творчества и непрерывность его.

7. Таким образом, под юридической интерпретацией можно понимать общественно-детерминированный, личностно-необходимый и текстуально-опосредованный процесс становления новых качеств правовой действительности, заключающийся в непрерывной циркуляции и обновлении правовых ценностей и смыслов и постоянно выходящий за рамки интерпретируемого объекта.

¹ Весьма показательным (можно даже сказать, красноречивым) примером являются обращения в суд с такими требованиями, которые объективно не могут быть удовлетворены судом: к примеру, супруг, желая, чтобы его жена оставила работу, которая кажется ему неподходящей, просит суд “оказать на нее воздействие”. Подобные комические ситуации нередки и свидетельствуют, конечно, о переоценке действительной роли права и государства в человеческой жизни. Ученые говорят в таких случаях о феномене “правового идеализма” (ничего общего не имеющем с одноименным философским направлением) или о так называемом “юридическом фетишизме” (Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны “одной медали” // Правоведение. 1994. № 2. С. 3-16; Нежелская М.А. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Право и образование. 2002. № 2. С. 75-82; Kocela C. The end of legal fetishism: Oedipa Maas as postmodern cartographer // Oklahoma City University Law Review. 1999. № 3. Vol. 24. P.290-320).

Поступила в редакцию 05.02.2010 г.

οάοιέειέ, ενήιευζοάιιέ ζαείίιααοάεαι ά ηεηα-
ιέε ηοαοοηα ηδαααεαίιυο εεο. Ιοία+ααοηυ ία-
εεε ίαδααίηη: αεу οίαι +οίαιη ηοαου ηοάυάεοη
ιόαεε+ίηαι ιδααα, ίαίαοίαιει άίεαεζυγαεαίεα ηί
ηοιδηύ αηηοααδηοαα, ίαεα+αίεα οαείηαι ά ιδα-
αίαοη οίδηο. Οαεει ίαδαζη, ηηηδααίαιί
ειαίί ίο αηηοααδηοαα ζααηηεο ηγυαεαίεα ίηαυο
ηοάυάεοηα ίοαεε+ίηαι ιδααα, ά εο ηηζααίεα - ίαία
εζ αααίυο ηηηοααεуηυεο αηηοααδηοααίηαι ία-
οαίεζα.

Ιηαίηαу εοηα ηεαζαίίηιο, ίοηαοει, +οί ίοα-
εε+ιυέ ηοάυάεο ίοηηεοηυ ε ίαδαζαίαιεу, οοί-
εοειηεοηαίεα ε αуοάεуηηηου είοηδυο ηδηαα-
ηο ίοαεε+ίηαι ιδααί εαε ίαυάεοεαίοη δααεу-
ηηου. Α ηηηη ίαυαία ααίηιο εδεδάδηη ηη-
ηοααηηοαοαο αηηοααδηοαί, αεу εηοηδηαι ίοαεε+
ηηου ία ιδηηοη ηαιεηοαί, ά ηηηηα εα+αηοαί, ηη-
ζαίηεуηυαα αηζααηηοαίηαου ία ίαυαηηοαίηυα
ηοηηαίεу, ά οηη +εηεα ιδααίηαιηα οαδαεοαδα.

Νοαοοηη ηοάυάεοα ίοαεε+ίηαι ιδααα οηηοαίηεαί
ζαείίηααοάεαι +αδαζ ηηεηαίεα ααη εηηηαοαίοεε ά
ηηηοααηηοαοηυεο ηδηηαεαίηυο αεοαδ. Νηαοεοεεα
ηηηηηηαι ηδααίηαιηα δααοεεδηαίεу αυδαααοηυ ά
ηεααοηυεο αηηαεοαδ: 1) οηηοαίηεαίεε ηεηοαίηυ
ηδααίηαуζαίηηοαε ηοάυάεοηα; 2) οηηοαίηεαίεε ηδη-
οααοδηυο ηδααεε δααεεζαοεε ηηηοααηηοαοηυεο ηδα-
αίηαуζαίηηοαε; 3) οηηοαίηεαίεε уеηαίηοηα ιδααί-
ηηαι ηοαοοηηα ίαуζαίηυο ηοάυάεοηα³².

Αεααίηη ααεοηδηη ίαο+ηυο εηηεααίηαίεε ά
δαηηηαοδεααηηε ηοαδα, ία ίαο αζαεуα, αηεαίηυ
ηοαου: 1) οοη+ηαίεα ηηуοεεηηαι αηηαδαοα, ηοηη-
ηуααηηηυ ε εαοαηηδεε “ηοάυάεο ίοαεε+ίηαι ιδα-
αα”; 2) ηηδααεαίεα εδεοαδηεα ηηηοηηαίεу αα-
οεηεοεε “ηοάυάεο ίοαεε+ίηαι ιδααα” ε “ηοάυάεο
ιόαεε+ίηαι ηδααηηοηηαίεу”; 3) αυδααίηεα ηηα-
οηηα ηοηηηαίεу οηαι εεε εηηαι ηοάυάεοα ε δαζ-
δυαο ίοαεε+ηυο; 4) εζο+αίεα εαοαηηδεε “ιόαεε+
ηυέ εηοαδαηη”; 5) αηηδηηηυ εηηηαοαίοεε ηοάυάε-
οηα ίοαεε+ίηαι ιδααα.

Ε αυοαηηαδα+εηεαίηηη ηδηαεαίηαι ίαίαοί-
αειη ηηαδηαεου εηηεαηηηη, εηηηεуζοу ία οηεу-
εη ηδααηηαυα ηδααηηοαα, ηί ε οαηδηαοεεη-ιαοηαηεη-
αε+αηηεεα ηηαοηαυ οεεηηηδεε, ηηοεηηαίεε, ηηε-
οηεηαεε, уеηηηηεε.

¹ Ρδεαε+αηεεε уηοεεηηααε+αηηεεε ηεηααδυ. Ι.,
2009. Ν. 123.

² *Εααδαίηε Α.Α.* Νοάυάεου ίοαεε+ίηαι ιδααα: οαί-
δαοεεη-ηδααίηα εηηεααίηαίεα : ααοηδαο. αεη. ... εαηα.
ηδεα. ίαοε. Ι., 2007.

³ *Είεζείαα Ι.Α.* Ιδααηηοαυάεοηηηου ηδεαε+αηεηαι
εεοα // Ζαείίηααοάεуηοαί. 2003. ¹ 12; 2004. ¹ 1; 2005.
¹ 1.

⁴ *Εοηαδαα Α.Α.* Νηηοηηαίεα ίοαεε+ίηαι ε +αηο-
ηηαι ιδααα ά ίαεηηαυο ηηηδαο // Ιαεηηαυα ηηηδυ:
οαηδεу ε ηδαεοεεα. 2005. ¹ 1. Ν. 25.

⁵ *Εηεααίεεηα Ι.Α.* Ε αηηδηηο ηηδεαε+αηεηε ίο-
ααοηηαίηηοε // Ααηοη. Αηεα. οη-δα εη. Α.Ι. Οαοεηααα.
2002. Αυη. 22. Ν. 4.

⁶ *Οεοηηεδηα Ρ.Α.* Ιοαεε+ηηαι ιδααα. Ι., 1995.

⁷ *Αεηηεοεε Α.Α.* Νοάυάεου ίαεηηαηηαι ιδααα. Ι.,
2001. Ν. 67-72.

⁸ *Εα+αεуηη Ν.Ο.* Ιδααηηοηηαίεу ά ηηοεαεηηοε-
+αηηηη ηαυαηοαα. Ι., 1958. Ν. 84.

⁹ *Ιεδηηα Ι.Υ.* Νοάυάεου ηηααοηεηαι αηηοααδ-
ηοααηηηαι ιδααα : αεη. ... εαηα. ηδεα. ίαοε. Ναδαοηα,
1969. Ν. 13.

¹⁰ *Αηεαηηη Ι.Ι.* Ιηηηαηηα ία+αεα δηηηεεηηαι +α-
ηοηηαι ιδααα : ααοηδαο. αεη. ... α-δα ηδεα. ίαοε. Ι.,
2002.

¹¹ *Αηεαηηα Α.Α.* Ιοαεε+ηηαι ιδααα: ηδηαεαηυ οαί-
δεε, ίαοηαηεηαεε, ηδαεοεεε : ααοηδαο. αεη. ... α-δα ηδεα.
ίαοε. Ναδαοηα, 2009. Ν. 33.

¹² *Αδηηα Ν.Α.* Νηηοηηαίεα +αηοηηαι ε ίοαεε+
ηηαι ιδααα ά δηηηεεηεηε ηεηοαηα ιδααα: οαηααηοεε αεο-
οαδηαηεαοεε ε εηοααδαοεε : ααοηδαο. αεη. ... εαηα. ηδεα.
ίαοε. Νηα., 2004. Ν. 13.

¹³ *Εααδαίηε Α.Α.* Νοάυάεο ίοαεε+ηηαι ιδααα: ααεη-
ηοαη ηηуοεу εαε ηηηαηηαεοηηαι уαεαίεу ά δηηηεεη-
εηε ηδααηαηε ηεηοαηα // Ααηοη. Οαηαηα. οη-οα. Ναδεу
“Αοηαηεοαδηηα ίαοεε”. 2007. Αυη. 1 (45). Ν. 64-67.

¹⁴ *Εααδαίηε Α.Α.* Ι εαοαηηδεε “ηοάυάεο ίοαεε+ηη-
αι ιδααα” ά δηηηεεηεηε ηδααηαηε ηεηοαηα // Αηηδηηυ
οαηδεε ε ηδαεοεεε δηηηεεηεηε ηδααηαηε ίαοεε : ηαοα-
δεαεу III Ιαααοηαδ. ίαο+.-ηδαεο. εηηο. Ιαηζα, 2007.
Ν. 144-146.

¹⁵ *Εααδαίηε Α.Α.* Ιηηααηηηοε ηδααηηοαυάεοηη-
οε ε ηδααηαηαι ηοαοοηηα ηοάυάεοηα ίοαεε+ηηαι ιδααα ά
δηηηεεηηηη ηδααα // Αηηοααδηοααηηα ηοδηεοεуηοαί ε
ηδααη / ηηα ίαυ. δαα. Α.Α. Ιαεуοααα. Ι., 2007. Αυη. 19.
Ν. 80-90.

¹⁶ *Εααδαίηε Α.Α.* Νοάυάεο ίοαεε+ηηαι ιδααα: ααεη-
ηοαη ηηуοεу εαε ηηηαηηαεοηηαι уαεαίεу ά δηηηεεη-
εηε ηδααηαηε ηεηοαηα // Ιδααη ε αηηοααδηοαί: οαηδεу ε
ηδαεοεεα. 2007. ¹ 5. Ν. 21-26.

¹⁷ *Εααδαίηε Α.Α.* Νοα εαε ηοάυάεο ίοαεε+ηηαι ιδα-
αα: ηηηααηηηοε δααεεζαοεε ηδααηαηαι ηοαοοηηα ηοαα ά
ηοαααηηη ηδααηηδηεηαίεε // Νοαααηηα εζα. : εηοηδη.
αηε. Οηδααεαίεу Νοαααηηαι ααηαδοαηαηοα ά Οαηαηα.
ίαε. Οαηαηα, 2007. ¹ 8 (1). Ν. 51-53.

¹⁸ *Εδαοηαα Α.Α.* Οαηααηοεε δαζαεοεу ίοαεε+ηηαι
ηδααα ά ηηαδηαηηε δηηηεε: οαηδαοεεη-ιαοηαηεηαε-
+αηηεεε ε οαοηεεη-ηδεαε+αηηεεε αηηαεου : αεη. ... εαηα.
ηδεα. ίαοε. Ναηαδα, 2007. Ν. 120.

¹⁹ *Éðáðíáà Á.Á.* Ίίγυόεά è τδεδίáα τóáεε-ίíáí τδááα // Ίðááíáíá ðááóεεδίááíεά ááγυόáευίíñòε δίçγυε-ñóáóρúááí ðóáúáεδà : íáðáðεáεú VI Ίάæαóíáð. íáóç-τδáεð. είíð., 10-12 ίεð. 2007 á. / τδá. ðáá. Á.Á. Ίεεáðεέε. Ñáíáðá, 2007. ×. 3. Ñ. 80-83.

²⁰ Ñíáðáíεά çáείííáαðáευñðáá ðíññεéñεíε Óááá-ðáóεε. 2006. ¹ 3. Ñð. 335.

²¹ *Òáεáíεíá Ý.Á.* Ίíáúá είνðεðóðú ááíεíεñðá-ðεáííáí τδááα // Άíñóáαðñóáí è τðááí. 2006. ¹ 5. Ñ. 18.

²² Ίí ááεó í τðíááðεά είνðεðóðεíííñòε τðááευ-ίúð ñεíæáíεε ñóαðáε 2, 12, 17, 24 è 34 Ίñííá çáείííáα-ðáευñðáá ðíññεéñεíε Óáááðáóεε í ίíðáðεáðá : ίíñðá-ίíæáíεá Είíñðεðóð. Ñóαα ðÓò τð 10 íáγ 1998 á. ¹ 15-Ί // Ñíáð. çáείííáαðáευñðáá ðÓò. 1998. ¹ 22. Ñð. 2491.

²³ *Éαðáíρε Á.Á.* Ñóáúáεðú τóáεε-ίíáí τðááα: ðá-ίðáðεéí-τðááíáíá εññεááíááíεá : áεñ. ... εáíá. ððεá. íáóε. Ί., 2007. Ñ. 50.

²⁴ *Óτðουάá È.Ρ.* Ίóáεε-ίúε εíðáðáñ á τðááíáíε áíεððεíá è çáείííáαðáευñðáá // Άíñóáαðñóáí è τðááí. 2002. ¹ 9. Ñ. 2.

²⁵ *Éíæááíεεíá Ί.Á.* Óεáç. ñíç.

²⁶ *Óεðñεðíá Ρ.Á.* Óεáç. ñíç. Ñ. 121.

²⁷ *Éðáðíáà Á.Á.* Óáíááíóεε ðáçáεðéγ τóáεε-ίíáí τðááα á ñíáðáíáíίε ðíññεε: ðáíðáðεéí-íáðíáíεíáε-áñεéε è ðáðíεéí-ððεáε-áñεéε áñíáεðú : ááðíðáð. áεñ. ... εáíá. ððεá. íáóε. Ñáíáðá, 2007. Ñ. 7.

²⁸ *Óáεε Ί.Á.* Óáíðéγ ñíðεáεéñðε-áñεíε ááííεðá-ðεé (Άíñóáαðñóááíίí-τðááíáúá áñíáεðú). Εεáá, 1986. Ñ.44.

²⁹ *Éíεíðíá Á.Ί.* ðóññεáγ íáóεγ è ðíññεéñεáγ áíñó-áαðñóááíίíñú. Άεáðáðεíáóðá, 1994. Ñ. 44-53.

³⁰ Ñóαðúγ 1 Ίάæαóíáðíáíáí τáεðá í áðáæááíñεéð è ñεεðε-áñεεð τðááαð τð 16 ááεááðγ 1966 áíαα // Ίάæ-αóíáðíáíúá áεðú í τðááαð =áεíááεá : ñá. áíεε. / ñíñð. Á.Á. Εáðáðεéí, Á.Á. Εðεáðááα. Ί., 1999. Ñ. 53.

³¹ *Áίεáíáà Á.Á.* Ίñííáú τóáεε-ίíáí τðááα. Ñáíá-ðá, 2009. Ñ. 183.

³² *Áίεáíáà Á.Á.* Ίóáεε-ίíá τðááí... Ñ. 15-16.

Ίñðóτíρεά á ðáááεöερ 03.02.2010 á.

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНИКА ПО НЕВЫПОЛНЕННЫМ ДЕНЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

© 2010 А.А. Максуров

кандидат юридических наук

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Рассматриваются различные случаи привлечения к уголовной ответственности клиентов банков и иных кредитных организаций, не выполнивших перед ними обязательств, и их правомерность.

В последнее время коллекторские агентства и действующие через них либо через собственные службы безопасности банки и иные кредитные организации, лизинговые организации и организации, осуществляющие факторинговые операции, нередко угрожают привлечением не выполнивших перед ними обязательств клиентов к уголовной ответственности. Речь идет, разумеется, не о банальном присвоении вверенных должнику средств или краже, а об ответственности за мошенничество. Причем подается это так, будто один факт неисполнения должником обязательства по договору независимо от его экономического положения, конъюнктуры рынка и оценки его действий с позиций разумного предпринимательского риска неумолимо должен влечь уголовную ответственность. Но так ли это?

Статья 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ) прямо гласит: “Мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием, - наказывается...” Усилено наказание, если мошенничество совершается группой лиц по предварительному сговору, а равно с причинением значительного ущерба гражданину, лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере, организованной группой либо в особо крупном размере.

Разберем этот состав с позиций юриста.

Прежде всего, мошенничеству как форме хищения присущи все признаки хищения. Предметом мошенничества может быть не только имущество, но и право на него, что реально обеспечивает в дальнейшем возможность фактического завладения им, пользования и распоряжения.

Способом завладения чужим имуществом является обман собственника или иного владельца имущества. Виновный вводит потерпевшего в заблуждение искажением фактов или умалчанием об известных ему обстоятельствах.

В результате обмана потерпевший сам передает преступнику имущество. Добровольность передачи имущества при этом мнимая, так как обусловлена обманом.

Способом завладения имуществом при мошенничестве может быть обман или злоупотребление доверием в любых формах.

Любая форма обмана и злоупотребления доверием сводится к тому, что виновный путем уверений или умолчаний создает у потерпевшего уверенность в правомерности или выгоды для него передачи имущества или права на него.

На практике существуют как традиционные, так и нетрадиционные способы мошенничества. К числу наиболее распространенных ранее способов относилось хищение денежных средств путем их получения по поддельным банковским документам и ценным бумагам: кредитовым авизо, расчетным чекам, мемориальным ордерам, векселям, депозитным сертификатам. Еще кое-где мелькают сообщения о хищении денежных средств вкладчиков и инвесторов, полученных под обещание (принятие обязательств) выплаты высоких процентов, дивидендов либо выполнения иных обязательств. Вообще этот способ широко известен как мошенничество по принципу финансовых и иных пирамид. Стандартными можно назвать мошенничества, связанные с неуплатой налогов. Незаконное завладение имуществом с помощью пластиковых карт является сравнительно новым для России способом мошенничества в силу того, что сами пластиковые карты и их инфраструктура появились у нас совсем недавно. Сегодня участились хищения с незаконным проникновением в компьютерную сеть, особенно через сеть Интернет, хотя есть и мошенничества, совершаемые исключительно в “глобальной сети”.

В России уже давно распространено хищение денежных средств путем получения различных кредитов с использованием подложной уч-

редительской или бухгалтерской документации, гарантийных писем, залоговых и страховых документов. В силу ст. 307 Гражданского кодекса РФ кредиторская задолженность обуславливается наличием обязательств одного лица (должника) совершить в пользу другого (кредитора) определенные действия (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п.). На практике получение кредита имеет место при заключении договоров поставки, подряда, аренды (субаренды) и т.п.

Внешне все выглядит хорошо. Получение кредита объясняется деловыми целями, снимается красивый офис (иногда используются и реально существующие в качестве активных участников предпринимательской деятельности юридические лица). Однако реальной деятельности не осуществляется, просто кредитные средства потихоньку расходятся по различным организациям. Работники правоохранительных органов описывают и достаточно сложные случаи, например, когда, совершая мошенничества при получении и присвоении кредита, преступники применяют принцип пирамиды - осуществляют погашение ранее полученного и потраченного не по назначению кредита и каждого последующего за счет новых кредитов ("кредитная пирамида"). Мошенничество проявляется также тогда, когда не удается получить очередной кредит для погашения предыдущего. В данном случае преступление растянуто во времени, никакого гарантированного обеспечения растроченных средств не существует, а жертвой мошенничества оказывается в конце концов та кредитная организация, чей кредит остается непогашенным. При таком способе присвоение чужих средств предполагается с самого начала, но по мере возможности откладывается и переносится на каждого нового кредитора. Обманные действия проявляются с самого начала и имеют продолжение при получении новых кредитов.

Надо сказать, что относительно новым способом мошенничества является присвоение кредитных средств, полученных в порядке ипотеки, когда закладываемое недвижимое имущество (чаще всего квартира) заведомо для получателя кредита - залогодателя не может быть обращено в погашение задолженности. Имеют место и мошенничества с автокредитами: якобы теряется ПТС и заложенный автомобиль с успехом продается по доверенности по вновь выданному

органами ГИБДД паспорту технического средства.

Нужно помнить, что обман в любой форме, использованный для получения банковского кредита, может квалифицироваться как мошенничество только в том случае, если по ходу дела установлено, что обманное завладение денежными средствами совершено с целью обращения их в собственность виновного или других лиц, т.е. если налицо все признаки хищения.

Мошенничество может быть совершено только с прямым умыслом. Обязательный признак субъективной стороны - корыстная цель. Разве у Вас был такой умысел, когда Вы брали кредит? Наличие умысла обязаны доказать "они", а не Вы обязаны доказывать его отсутствие!

Мошенничество определяется не в суде. Сначала требуется обращение в органы внутренних дел, затем следует производство доследственной проверки на срок до 30 дней, затем - возбуждение уголовного дела, расследование и только потом - передача дела в суд. В этом случае совет один: не занимайтесь "самолечением" - почти точно "покалечитесь"! Обратитесь к юристу!

Если все же Вас застигли врасплох и предлагают пообщаться без юриста, помните первое и единственное правило: ни о чем не говорите, ничего не подписывайте, как бы Вам ни угрожали уголовной ответственностью за отказ от дачи показаний и т.п. Не общайтесь ни по какому поводу - даже паспортные данные сообщать без юриста не нужно.

Другие популярные у коллекторов и служб безопасности банков "страшилки": ст. 177 и 315 Уголовного кодекса РФ.

Статья 177 УК РФ предусматривает ответственность за злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта.

Уклонение обязательно должно быть "злостным". Это означает, что 1) у должника имеются денежные средства и 2) он предупреждается судебным приставом-исполнителем о необходимости исполнить обязательство.

Второе обстоятельство, как правило, есть всегда: судебные приставы-исполнители предупреждают об этом под роспись, хотя отдельные

должники успешно уклоняются как от встреч с судебным приставом-исполнителем, так и от получения по почте заказных писем с таким предупреждением.

В части первого обстоятельства - дело сложнее. К сожалению, нынешняя судебная практика учитывает не только наличие-отсутствие дохода, который должник может и не показывать, но и расходы должника. Например, если у Вас в кредит куплен автомобиль и Вы платите взносы в банк, одновременно не исполняя другие обязательства, у суда возникнет закономерный вопрос: почему Вы пользуетесь автомобилем и платите за него, но не платите по исполнительному листу? Если в кассу вносите деньги не Вы, а другое лицо - роли, скорее всего, это играть тоже не будет.

Выход здесь простой: чтобы не было “злостности”, не совершайте крупных покупок, переоформляйте кредитные договоры на иных лиц (можно, кстати, договориться и с банком, чтобы он подал иск в суд и потом взыскивал с Вас деньги

наряду с другими судебными решениями), встаньте на биржу труда либо обеспечьте себя справками о задолженности по зарплате на Вашем предприятии. И обязательно выплачивайте аккуратно и ежемесячно хотя бы тысячу рублей по долгу.

Статья 315 УК РФ содержит схожую норму в отношении “злостности”, но ответственность по ней могут нести лишь представители власти, государственные служащие, служащие органа местного самоуправления, а также служащие государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации.

Исполнение решения должно быть в пределах компетенции ответственного лица (например, должно быть предусмотрено в уставе организации, трудовом договоре, должностной инструкции или внутриведомственных приказах). При этом ответственность наступает, когда имеется реальная возможность исполнить требования судебного акта, но он самовольно не исполняется, а денежные средства направляются на другие нужды.

Поступила в редакцию 01.02.2010 г.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА В ОБЛАСТИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ РЕГИОНА

© 2010 С.А. Самсонов

Самарский государственный экономический университет

Рассматриваются экономическая и юридическая природа, основные направления функционирования отечественного институционально-правового механизма в области инвестиционной активности региона.

Посткризисное развитие отечественной экономической системы отличается деформированным характером функционирования механизмов регулирования инвестиционной деятельности субъектов РФ, отсутствием сбалансированности региональных рынков инвестиций, наличием множественных коллизий системы инвестиционного права. Современная модель регионального инвестиционного менеджмента не соответствует частным и интегральным интересам субъектов рынков инвестиций. В настоящее время наблюдается снижение эффективности юридического механизма регулирования инвестиционной деятельности в условиях посткризисного развития инвестиционных отношений как на макро-, так и на мезоуровнях управления. В связи с этим важнейшим направлением организации сбалансированного функционирования системы инвестиционного менеджмента является идентификация основных направлений функционирования институционально-правового механизма в области инвестиционной активности региона.

В условиях отечественной юридической системы регулирования инвестиционной деятельности целесообразно определить экономическую сущность понятия “инвестиционная активность региона”, идентифицировать факторы формирования эффективной инвестиционной активности региона институционально-правового генеза.

В настоящее время не существует четкого определения понятия “инвестиционная активность региона” в сфере научного знания региональной экономики. В отечественной экономической науке существуют различные методологические подходы к определению экономической сущности понятия инвестиционной активности региона.

Так, Е.А. Казакевич¹ считает, что инвестиционная активность региона выступает в качестве синонима понятия инвестиционного потенциала региона. Однако принципы данного методологического подхода не дают широкого представления об экономической сущности характерного признака инвести-

ционной активности - динамичности инвестиционного процесса в рамках исследуемого региона. Именно свойство динамичности инвестиционной активности определяет интенсивность инвестиционного процесса в регионе, степень эффективности реализации принципов региональной инвестиционной политики в сфере формирования благоприятного инвестиционного климата, экономическую целесообразность функционирования юридической системы регулирования инвестиционной деятельности в регионе.

У ряда отечественных исследователей данной проблемы существует другой взгляд на понятие инвестиционной активности региона. В частности, Л.Г. Паштова считает, что инвестиционную активность региона следует рассматривать с позиций изменения структуры и размера инвестиций². На наш взгляд, принципы данного методологического подхода не отражают экономической сущности понятия инвестиционной активности в сфере определения свойства динамичности качества инвестиций. Категориальное свойство качества инвестиций определяет экономическую сущность эффективности инвестиционной деятельности, степень экономической рационализации в сфере перераспределения инвестиционных ресурсов в региональном аспекте.

Отечественные исследователи И.В. Гришина, И.И. Ройзман, А.Г. Шахназаров определяют инвестиционную активность региона как интенсивность развития региональной инвестиционной деятельности³. Согласно данному подходу, в качестве показателей интенсивности рассматриваются темпы и объемы привлечения инвестиций в основной капитал региона. Это определение дает достаточно точную характеристику понятия инвестиционной активности региона относительно гносеологии экономической сущности инструментов идентификации свойства изменчивости инвестиционного климата. Однако и такой подход к изучаемой проблеме не определяет характерного признака инвестиционной активности - изменчивости инвестиционного климата. Инвестицион-

ная активность представляет собой диалектическое состояние изменчивости инвестиционного климата, характеризующееся свойством динамичности инвестиционного процесса в условиях реализации инвестиционного потенциала региона.

На наш взгляд, инвестиционную активность региона целесообразно рассматривать с позиций степени динамичности изменчивости инвестиционного климата под влиянием различных индикаторов, формирующих экономически активную инвестиционную политику в регионе, к числу которых можно отнести отечественную институционально-правовую базу, постоянно подпитывающуюся за счет передового мирового опыта.

Формирование эффективной инвестиционной активности в регионе требует определения принципов оптимального функционирования юридической системы взаимодействия правовых институтов регулирования инвестиционной деятельности в рамках региона. Идентификация принципов юридического регулирования региональной инвестиционной деятельности определяет необходимость исследования в сфере гносеологии юридической сущности инвестиционного процесса.

В данной области А.Г. Богатыревым инвестиционный процесс рассматривается как «совокупность юридических норм, регламентирующих отношения, складывающиеся между различными участниками инвестирования - инвесторами (физические или юридические лица - национальные и иностранные государства и международные организации - собственники капиталов - инвестиции, которые и являются субъектами инвестиционного права)»⁴.

Отечественный ученый-юрист Н.Н. Вознесенская определяет инвестиции как «предоставление средств иностранным инвеститором, при котором обязательным является экономическая активность»⁵. Такой подход не дает широкого представления о юридической сущности инвестиционного процесса. Ключевым фактором формирования инвестиционного правоотношения является принцип понимания инвестиций как объекта собственности. Инвестиционное правоотношение - это среда смены прав собственности и владения инвестиционными ресурсами, фактор преобразования юридической формы инвестиций.

На наш взгляд, *инвестиционный процесс* в регионе относительно юридической сущности формы исследуемого правоотношения надо рассматривать как *систему юридических инстру-*

ментов (правовые формы и нормы (законы, нормативно-правовые акты)) регулирования взаимодействия институциональных структур управления инвестиционной деятельностью в регионе.

Юридическую сущность инвестиционного процесса в регионе целесообразно рассматривать в двух аспектах: международно-правовом и национально-правовом. Согласно принципам классической институционально-правовой теории международно-правовое регулирование инвестиционной деятельности в регионе определяет юридические инструменты регулирования инвестиционного процесса относительно иностранных инвестиционных ресурсов. Регулирование взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности в рамках как федерального, так и регионального уровней определяется юридическими инструментами национально-правового уровня. Принципы формирования концепции регулирования юридическими инструментами международно-правового и национально-правового уровней управления инвестиционного процесса в рамках региона определяются системой инвестиционного права.

Анализ теоретических положений в данной области позволяет нам дать следующее определение: *инвестиционное право - это система правового регулирования инвестиционного процесса.*

Согласно общей теории права инвестиционное право как система регулирования инвестиционного процесса в регионе также должно рассматриваться в двух аспектах: национально-правовом и международно-правовом. Это определяется сферой реализации инвестиционного правоотношения относительно источников инвестиционных ресурсов: иностранных и отечественных. Принципы регулирования юридической системы управления инвестиционным процессом, заказчиком которого является иностранный субъект (юридическое или физическое лицо), определяются системой международного инвестиционного права. Принципы системы национального инвестиционного права реализуются на уровне регулирования инвестиционного процесса, элементами которого являются отечественные экономические субъекты и объекты. Однако разделение инвестиционного права на два направления не дает основания говорить об отсутствии системы взаимодействия принципов правового регулирования инвестиционной деятельности международного и националь-

ного уровней. Инвестиционное право представляет собой целостный синтетический механизм взаимодействия юридических инструментов регулирования инвестиционной деятельности междунационально-правового и национально-правового уровней. Именно совместное использование принципов данных уровней регулирования инвестиционного права определяет сущность эффективной инвестиционной активности, способствует формированию принципов современной инвестиционной политики в рамках региона. Кроме того, это вызвано необходимостью стимулирования инвестиционных процессов, элементами которых выступают экономические субъекты и объекты отечественного и иностранного происхождения. Совместное функционирование элементов отечественного и иностранного происхождения определяет синтетическое единство принципов регулирования инвестиционной деятельности национально и иностранного экономического генеза, обеспечивает приток иностранного капитала, авансированного в альтернативные формы инвестиционных ресурсов, в регион. Однако функционирование данного синтетического механизма приносит положительный эффект экономического или внеэкономического генеза исключительно в случае организации эффективного функционирования юридической системы реализации принципов инвестиционного права, механизма правовых инструментов регулирования инвестиционной деятельности и формирования благоприятного правового инвестиционного климата в рамках региона.

Анализ теоретических положений отечественных и зарубежных ученых в области исследования юридических инструментов регулирования инвестиционной деятельности в регионе позволил сформулировать следующие определения.

Под *правовым инвестиционным климатом региона* следует понимать *систему факторов регионального развития, определяющую уровень эффективности функционирования системы правового регулирования инвестиционной деятельности в регионе.*

Под *юридической конструкцией инвестирования* целесообразно рассматривать *систему структурирования инструментов правового регулирования инвестиционной деятельности, характеризующуюся реализацией принципа единства элементов инвестиционного права как национально-правового, так и междуна-*

родно-правового уровней регулирования, и юридических инструментов определения форм ответственности юридических и физических лиц - участников инвестиционного процесса.

Эффективность правового инвестиционного климата региона определяется оптимальным взаимодействием, сочетанием среды инвестирования как регионального, так и внешнего уровня и принципов функционирования юридической системы управления инвестиционной деятельностью в рамках исследуемого субъекта Федерации. Среда внешнего уровня инвестирования представляет собой систему взаимодействия факторов среды инвестирования отечественного уровня (уровень Федерации) и иностранного уровня (уровень зарубежных макроэкономических субъектов). Оптимальное взаимодействие элементов среды инвестирования различного уровня и принципов правового регулирования инвестиционной деятельности в рамках региона определяется использованием эффективной юридической конструкции инвестирования.

Реализация принципа единства элементов юридической системы инвестиционного права и механизма управления юридическими инструментами принуждения к выполнению норм и законов инвестиционного права определяется взаимодействием, семантическим единством совместного функционирования и непротиворечивостью элементов реализации принципов инвестиционного права следующих уровней: *lex generales* и *lex speciales*. Принципы уровня *lex speciales* определяют функционирование системы инвестиционного права в рамках исследуемого субъекта Федерации. Принципы уровня *lex generales* реализуются на уровне принятия правовых норм и законов, направленных на организацию семантического единства инструментов инвестиционного права и других отраслей отечественного права (право на собственность, право на землю и др.).

Практическая реализация принципа взаимодействия элементов инвестиционного права уровней *lex generales* и *lex speciales* определяется синтетическим единством функционирования систем публично-правового и частноправового регулирования инвестиционной деятельности. Принципы публично-правового регулирования реализуются на уровне функционирования системы управления факторами интенсификации инвестиционной деятельности (влияние процентной став-

ки, уровня налога на объекты инвестиционного процесса и др.) в рамках исследуемого региона. Механизм публично-правового регулирования направлен на получение положительного экономического или внеэкономического эффекта социальной направленности (общественный интерес) в результате развития инвестиционной деятельности в рамках исследуемого субъекта Федерации. Система частноправового регулирования определяет принципы взаимодействия интересов участников конкретного инвестиционного процесса. В основе частноправового регулирования лежит принцип юридического равенства участников инвестиционного процесса в сфере реализации собственных экономических интересов.

Организация эффективного механизма взаимодействия инструментов публично-правового и частноправового регулирования инвестиционной деятельности определяет юридическую сущность инвестиционной политики региона. Эффективность данного механизма взаимодействия юридических инструментов характеризуется оптимальным сочетанием элементов экономической сферы общественных и частных интересов в рамках исследуемого субъекта Федерации, конечной целью которых является максимум производства при минимуме затрат и повышение уровня и качества жизни населения. Оптимальность сочетания данных элементов определяется эффективным взаимодействием существующей конструкции инвестирования и окружающей среды экономического регионального развития, характеризующейся взаимодействием факторов формирования инвестиционного климата исследуемого субъекта Федерации. Несоответствие юридической конструкции инвестирования условиям окружающей экономической среды исследуемого субъекта Федерации определяет депрессивный характер инвестиционного и социально-экономического развития исследуемого региона.

Согласно общей теории права целесообразно рассматривать следующие юридические конструкции инвестирования в рамках региона: “согласования интересов” и “ограничения использования преимущественного положения”.

Принципы юридической конструкции инвестирования “согласования интересов” направлены на формирование эффективной системы оптимизации интересов участников инвестиционного процесса. Экономический субъект инвестиционного процесса имеет систему формирования индиви-

дуальной стратегии удовлетворения собственных экономических потребностей. Одним из ключевых принципов формирования данной системы является максимизация эффективности конкретного инвестиционного процесса исключительно с позиций собственных экономических интересов. Именно принцип максимизации эффективности инвестиционного процесса определяет семантическую противоречивость алгоритмических принципов функционирования систем формирования индивидуальных стратегий удовлетворения экономических потребностей всех участников данного инвестиционного процесса. Однако эффективность инвестиционного процесса определяется формированием единой стратегической программы максимизации положительного инвестиционного эффекта относительно всех участников инвестиционного процесса. Основопологающим принципом формирования данной стратегической программы должно выступать оптимальное сочетание принципов индивидуальных стратегий всех участников инвестиционного процесса, базирующихся на реализации ключевого принципа инвестиционного права международно-правового уровня - юридического равенства субъектов инвестиционного процесса. Эффективным инструментом реализации данного принципа на практическом уровне является формирование юридической конструкции инвестирования “согласования интересов” в соответствии с принципами инвестиционного права международно-правового уровня и создания благоприятного инвестиционного климата в рамках отечественной экономической системы.

Юридическая конструкция инвестирования “ограничения на использование преимущественного положения” представляет собой институционально-правовой механизм регулирования инвестиционной деятельности в регионе, направленный на определение систем ограничения злоупотребления своим преимущественным положением лиц (участников инвестиционного процесса, экономических субъектов, формирующих опорный каркас всей инвестиционной политики региона). Согласно юридической конструкции субъект процесса инвестирования признается “лицом, имеющим преимущественное положение” только в случае выполнения следующих условий:

- 1) лицо обладает закрытой (инсайдерской) информацией, недоступной другим участникам инвестиционного процесса;

2) лицо владеет определенным количеством долей, акций, позволяющим влиять на процесс принятия управленческого решения относительно исследуемого экономического субъекта.

Игнорирование этих принципов может привести к негативным последствиям: деформации рынка инвестиций как на региональном, так и на федеральном уровнях, отраслевой монополизации отечественного рынка инвестиций, неэффективности региональных механизмов регулирования и координации инвестиционной деятельности экономических субъектов в рамках реализации принципов инвестиционной политики федерального уровня. Важнейшей задачей региональной инвестиционной политики является организация юридической системы, принципы функционирования которой направлены на прекращение процесса формирования экономическим субъектом условий преимущественного положения. Именно идентификация экономического субъекта на стадии зарождения преимущественного положения в сфере регулирования инвестиционной деятельности определяет эффективность реализации юридических инструментов институционально-правового механизма юридической конструкции «ограничения на использование преимущественного положения». При организации экономическим субъектом системы условий, определяющих его преимущественное положение, требуется определение системы ограничения на использование преимущественного положения данного лица посредством нейтрализации указанных факторов. Функционирование системы ограничения на использование преимущественного положения является более затратным по сравнению с системой прекращения процесса организации системы условий, определяющих преимущественное положение исследуемого экономического субъекта.

Таким образом, в сфере теории инвестиционного права проблемным является вопрос исследования инструментов идентификации фаз

процесса организации преимущественного положения, юридической сущности понятия «лицо, имеющее преимущественное положение».

Решение указанной проблемы требует сочетания методологических подходов инвестиционного права и региональной экономической теории инвестирования относительно определения принципов функционирования отечественной институционально-правовой системы регулирования инвестиционной деятельности в регионе.

По результатам произведенного нами исследования можно сделать следующий вывод: идентификация экономических и юридических закономерностей, основных направлений функционирования отечественного институционально-правового механизма в области инвестиционной активности региона способствует формированию эффективной системы инвестиционного права, согласованному функционированию субъектов регионального инвестиционного процесса, определяет сбалансированность реализации принципов федеральной и региональной инвестиционных политик в рамках анализируемых экономических систем.

¹ Казакевич Е.А. Формирование инвестиционного климата в урбанизированном промышленном комплексе: методический аспект : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2002. С. 23.

² Паштова Л.Г. Формирование многоуровневой инвестиционной политики как фактор обеспечения экономической безопасности : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2001. С. 24.

³ Гришина И.В., Шахназаров А.Г., Ройзман И.И. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей // Инвестиции в России. 2001. № 4. С. 7.

⁴ Богатырев А.Г. Инвестиционное право. М., 1992. С. 19.

⁵ Вознесенская Н.Н. Иностраные инвестиции и смешанные предприятия в странах Африки. М., 1975. С. 26-32.

Поступила в редакцию 06.02.2010 г.

О ЗАКОНЕ СТОИМОСТИ. КОНЦЕПЦИЯ ДВУХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РАВНОВЕСИЙ

© 2010 А.А. Алпатов

кандидат юридических наук

Всероссийский заочный финансово-экономический институт

Затрагиваются проблемы исследования объективных законов экономики. Предпринимается попытка обосновать точку зрения, согласно которой основной закон экономики - закон стоимости - имеет две сферы действия.

В толковых и экономических словарях понятие “экономика” интерпретируется следующим образом:

1) совокупность (система) общественных (хозяйственных) отношений в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных благ;

2) хозяйство, включающее отрасли материального производства и непроизводственной сферы, совокупность средств, объектов, процессов, используемых людьми для удовлетворения потребностей путем создания необходимых благ, условий и средств существования с применением труда;

3) стратегия и тактика хозяйственной деятельности, охватывающие все звенья производства материальных благ, а также их обмен, распределение и потребление;

4) наука о хозяйстве, способах его ведения людьми, отношениях между людьми в процессе производства и обмена товаров, закономерностях протекания хозяйственных процессов.

Изложенные представления (суждения) можно свести к двум сторонам одной медали. С одной стороны, экономика - это сама сфера материального производства, определенная совокупность производственных (хозяйственных) отношений плюс отношений по обмену, распределению и потреблению материальных благ. С другой стороны, это область интеллектуального усвоения сути указанной категории, а также практическое приложение полученных знаний в целях оптимизации хозяйственной деятельности.

Если исходить из этимологии слова, то в литературе встречаются два его перевода с греческого языка: 1) *oikonomike* - искусство ведения домашнего хозяйства, 2) *oikos* - хозяйство + *nomos* - правило. На наш взгляд, вторая интерпретация предпочтительнее, поскольку в сложном слове зашифровано представление о ведении хозяйства в

соответствии с определенными правилами. Ведь искусство как творчество, ремесло или буквально хозяйственная деятельность может приносить не только пользу, но и вред человеку вследствие его ограниченности, несовершенства, наконец, его эгоистической природы. В этом смысле упоминаемые правила - своего рода границы допустимого поведения или свободы человека. Причем под правилами следует понимать не только волеустановленные предписания политического центра, которые не всегда могут отвечать требованиям объективной реальности, но и последние, т.е. закономерности самой реальности.

В представленной интерпретации понятие “экономика” по своему содержанию совпадает с понятием “деятельность по использованию природных и людских ресурсов для создания жизненных благ, включая ее научное и организационно-нормативное обеспечение”. Кроме того, понятие “экономическая деятельность” близко по своему содержанию понятию “экономические отношения”, так как в связи с экономической деятельностью, которая включает в себя все стадии воспроизводства (производство, распределение, обмен, потребление), формируются в основном имущественные отношения и отношения по управлению экономикой¹. На основании этого в дальнейшем указанные термины мы будем использовать как равнозначные.

В историческом плане человечество стало вести натуральное хозяйство в результате неолитической революции (по разным оценкам, примерно 9-11 тыс. лет назад), т.е. когда на смену присваивающему укладу жизни, основанному на собирательстве, охоте, пришла производительная экономика. Но минует еще немало веков, прежде чем экономика будет признана как относительно обособленная и специфичная область жизнедеятельности человечества. Это произойдет в новое время (накануне буржуазных революций)

вследствие образования единого экономического национального пространства и благодаря переходу на более высокий уровень разделения труда и производительности общественного производства. Именно с зарождением рыночных буржуазных отношений связывают появление политэкономии. Примечательно и весьма поучительно то, что последняя берет свое начало в доктрине естественного права, и уже этим фактом подчеркивается очевидная взаимная обусловленность права и экономических реалий. На наш взгляд, естественное право охватывает все науки, изучающие природу человека, и среди гуманитарных наук особое место занимает экономика, которая заметно выделилась из их среды в связи с тем, что взяла на вооружение приемы более точных наук (математики, статистики)². В частности, А. Маршалл подчеркивает, что именно точное денежное измерение самых устойчивых стимулов в хозяйственной жизни позволило экономической науке опередить все другие науки, изучающие человека³.

Правда, существует и обратная сторона медали. Так, Р. Харрод, исследуя экономические циклы, заметил, что экономистам следует навсегда распрощаться с притязаниями на определенность, которые могли сохраняться лишь до тех пор, пока оставались в рамках своей геометрической системы. «Из одной из самых точных наук, хотя и ограниченных узкими рамками, экономика неизбежно превращается в одну из самых условных наук»⁴. Отчасти соглашаясь с этим мнением, следует отметить, что глубокому исследованию на определенном этапе зрелости, наоборот, в большей степени мешает всякого рода приверженность теоретическим штампам и предпочтениям. Поэтому желательно, чтобы экономисты, придерживаясь традиций определенной школы, не замыкались в границах собственных геометрических систем.

Итак, сформировавшееся в рамках доктрины естественного права и быстро набирающее силу научное направление - политэкономия - было нацелено практически с первых своих шагов на рассмотрение таких специфических категорий, как обмен, стоимость, труд, собственность (капитал), богатство (валовой продукт, прибыль) и др. Их тщательный анализ (по отдельности и во взаимосвязи друг с другом), безусловно, приближал ученых к более точному пониманию сущности экономики. Однако только этим исследо-

ватели не ограничивались и продолжали искать нечто более существенное, определяющее, что скрывается за перечисленными выше экономическими категориями (факторами) и детерминирует их содержание. Здесь можно будет выделить две тенденции. Согласно первой исследователь пытается найти и применять на практике релевантные модели экономических систем, т.е. исследование ориентируется на функционально-целевое значение. Так, Дж.М. Кейнс пишет Р. Харроду (1938): «Экономика - это наука мыслить в терминах моделей в сочетании с искусством выбирать модели, релевантные в современном мире»⁵. Схожие намерения исповедуются, когда основой упор делается на прикладной аспект экономических исследований. Под «прикладной экономикой» одноименным департаментом Кембриджского университета понимается «сведение воедино экономической теории, измерений и методов статистического и эконометрического анализа, а также интерпретации такой аналитической работы в целях объяснения экономических явлений и содействия экономической политике»⁶. Безусловно, практический эффект важнее выводов отвлеченной теории и вызывает всплеск положительных эмоций, однако существует опасность, что политическая целесообразность прикладного решения может подмять под себя экономисту, хотя и временно. По этой причине, на наш взгляд, больше преимуществ у второй позиции, ориентирующей экономистов на установление законов, которым должна соответствовать экономическая деятельность. Такой подход характерен для классической науки. Именно в ее традициях сложилась точка зрения, согласно которой развитие общества осуществляется по объективным экономическим законам⁷.

Как ни странно, указанная линия отчетливо прослеживалась в советской политэкономии. Причем экономика социализма испытала действие довольно радикальных политических решений, что говорит о целесообразности особого внимания к этому опыту. На первый взгляд, казалось бы, что может быть здесь поучительного: ведь она не выдержала испытание временем? Тем не менее, по нашему соображению, в ретроспективе можно извлечь очень полезные уроки. Пожалуй, в плане апробации теории и практики социализма значительной исторической вехой оказалась дискуссия 1951 г. о характере экономических законов. Размышляя над затронутыми в ее ходе

вопросами, можно под новым углом зрения посмотреть на многие проблемы современной экономики, в том числе и от противного.

Так, в вопросе об экономических законах социализма одна группа экономистов (И.А. Анчишкин, Н.С. Маслова, С. Мерзнев) выдвинула положение о том, что основным их содержанием является политика Советского государства, которая формирует и определяет эти законы. Еще в дооктябрьский период среди марксистов господствовала точка зрения, отрицавшая объективный характер экономических законов социализма в силу предстоявшей утраты экономикой стихийно действующего рыночного механизма, а вместе с ним и “среды”, в которой возникают специфические законы. Другими словами, вследствие вытеснения с исторической сцены социалистическим производством товарно-капиталистических отношений отмирают особые, специфические законы этой системы. Общие же для разных исторических ступеней экономические законы действуют уже как “познанная необходимость”. В данной связи отпадает нужда и в особой теоретической науке (экономии) и, напротив, возрастает роль прикладных экономических дисциплин, разрабатывающих конкретные методы применения знаний о формах проявления общих экономических законов. Отсюда и ограничительная версия понимания политической экономии как науки, замкнутой историческими рамками товарно-капиталистического хозяйства.

Напротив, Я. Миколенко делает вывод о том, что в социалистическом обществе сохраняются все экономические категории (стоимость, капитал и др.), свойственные капитализму, рабочая сила остается товаром, и поскольку социализм не ликвидирует товарной формы производства, экономические законы социализма все-таки носят стихийный характер.

Однако большинство участвовавших в дискуссии склонилось к третьей позиции, согласно которой экономические законы социализма, будучи внутренне присущими социалистическому способу производства, представляют собой неизбежный результат развития материальной жизни общества, а не произвольный продукт сознания и воли людей. Государство, партия не могут создавать, формировать экономические законы. Политика партии и государства должна исходить из законов развития общества. В то же время экономические законы социализма действуют не

стихийно, не как слепая сила, а как познанная необходимость. Линия большинства нашла отражение в работе И. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”⁸. Являясь в известном роде селекционером идей, прозвучавших в дискуссии 1951 г., И. Сталин главным тезисом проводит положение о том, что законы политической экономии “отражают закономерности процессов, совершающихся независимо от воли людей”⁹. Критикуя “субъективный идеализм”, И. Сталин отверг позицию, согласно которой экономические законы возникают благодаря сознательным действиям людей, по воле государства, правительства, тем самым отмежевался от отождествления экономических законов с юридическими, хотя в действительности всей предшествующей деятельностью сам этому содействовал. Он также проводил различие между объективностью и стихийностью, что означало допущение нестихийного действия объективных экономических законов. По его мнению, всякое “общество может, познав экономические законы и опираясь на них, ограничить сферу их действия, использовать их в интересах общества и “оседлать” их”¹⁰.

В позиции Сталина заметно стремление уравнять законы природы и экономики. В то же время наличие специфических законов И. Сталин связывал с “недолговечностью” экономических законов вообще по сравнению с законами природы, их историческую смену - с изменением экономических условий, производственных отношений, порождением которых и являются экономические законы определенного способа производства. Не заостряя внимания на вопросе субординации общих и специфических законов в структуре конкретной экономической системы, к числу первых законов Сталин относит открытую еще Марксом зависимость определенного типа производственных отношений от характера и уровня развития производительных сил, определив это соотношение как “закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил”¹¹.

По его мнению, общеэкономические законы воспроизводства, открытые К. Марксом, сохраняют силу при социализме, поскольку в теории воспроизводства Маркса содержится наряду с капиталистической спецификой целый ряд основных положений воспроизводства, имеющих силу для всех общественных формаций. Из них выде-

ляются так называемый закон-регулятор, определяющий способ формирования и изменения пропорций в общественном производстве, и закон, выражающий социальную ориентированность производства, его так называемую целевую функцию. В качестве первого закона для условий капитализма еще со времен А. Смита был признан закон стоимости (“регулятор-невидимка”), который через определение уровня общественно необходимых затрат, движение цен, конкуренцию товаровладельцев управляет соотношением производства и потребления, их структурами. Со вторым законом связана теория прибавочной стоимости, открытая К. Марксом и вошедшая в его экономическую теорию как концепция “основного”, “абсолютного” экономического закона капитализма. Не обнаружив четкого представления о законе стоимости, Сталин все же признал сохранение его действия при социалистическом строе, поскольку остается товарное производство. Но в то же время, на его взгляд, указанный закон перестает быть регулятором производства, он не регулирует отношения, не распределяет труд между различными отраслями производства¹².

Расклад позиций по вопросу об объективном законе в основных чертах совпал с разбросом точек зрения о законе стоимости, который также имел широкий диапазон: от полного отрицания до выявления его нового качественного состояния. Например, Д.И. Черномордик полагал, что в социалистическом хозяйстве закон стоимости утратил свое действие, так как распределение общественного труда между отраслями осуществляется через народнохозяйственный план. В социалистическом хозяйстве существует лишь категория стоимости, которая учитывается в планах при определении затрат общественного труда на отдельные виды продукции. Несколько экономистов (С.Г. Струмилин, И.Д. Злобин, А.Н. Сидоров и др.) не согласились с такой постановкой вопроса и рассматривали закон стоимости как вечный закон, регулирующий пропорции в распределении труда между различными отраслями хозяйства во всех общественных формациях. При социализме он регулирует, с одной стороны, меновые, а с другой - производственные пропорции. После перехода от распределения по труду к распределению по потребностям закон стоимости как регулятор меновых пропорций теряет свое значение, но сохранит свою функцию регулятора производственных пропорций.

Значительная часть экономистов склонилась к следующей точке зрения: товар и стоимость представляют собой исторические категории, перешедшие к советской экономике от капитализма, но подвергшиеся коренному преобразованию на основе планового хозяйства и господства социалистической собственности на средства производства. Необходимость товара и закона стоимости при социализме вытекает из характера общественного труда, обусловленного социалистической собственностью на средства производства в двух формах¹³. К этой позиции также присоединился И. Сталин. Он полагал, что благодаря обобществлению средств производства и планированию народного хозяйства закон планомерного развития как бы вытеснил закон стоимости из сферы регулирования народнохозяйственных пропорций. Наряду с этим, вводя в политическую экономию социализма новое понятие закона планомерного (пропорционального) развития, Сталин формально противопоставлял его не закону стоимости, а некоему “закону конкуренции и анархии производства при капитализме”¹⁴. Все же фактически противопоставив закон планомерного развития закону стоимости, он признал “сожителство” этих двух законов. Последний утрачивает роль регулятора производства, но сохраняет такую роль (“в жестких пределах”) в сфере обращения, в обмене через куплю-продажу главным образом предметов потребления. Вместе с тем закон стоимости, хотя и косвенным образом, все же воздействует и на производство: а) через потребление продукции, покрывающей затраты рабочей силы в процессе производства; б) на уровне предприятий, осуществляющих хозяйственный расчет и учитывающих себестоимость продукции, ее рентабельность; в) в ценообразовании. Касаясь первого закона планомерного развития, И. Сталин не раскрыл в достаточной мере его содержание, сведя его суть к необходимости обеспечения пропорциональности народного хозяйства, но четко разграничил закон планомерного развития и планирование. С помощью философских понятий “возможность” и “действительность” он указал, что в годовых и пятилетних планах отражаются в той или иной мере требования этого закона.

Итак, поскольку при социализме сохраняются товарно-денежные (рыночные) отношения при сильном государственном управлении экономикой, постольку И. Сталин допускал одновременное

действие закона планомерного развития и закона стоимости, что-то вроде своеобразной концепции “смешанной экономики”. А его попытка разграничить сферы действия законов планомерного развития и закона стоимости в чем-то перекликалась с идеей конкурентного, рыночного социализма.

Анализ опыта строительства социализма и проблем экономической науки этого периода имеет огромную познавательную ценность, поскольку помогает разобраться в вопросе об экономических законах и их действии, а также о последствиях их игнорирования или неточной интерпретации. В представленных рассуждениях доминирует мысль о том, что законы имеют объективный характер. Однако сомнительно представление о делении законов на специфические и общие, а также о возможности ограничения их действия, поскольку, если существует какой-либо объективный закон, прекратить его действие в принципе нельзя. Возможно, общественные законы встречаются массу отклоняющих и противодействующих факторов, не реагируют на ситуацию мгновенно, автоматически. Допустим, но не факт, они опосредованы активной деятельностью людей, существенно влияющих на течение процессов и их результаты. Однако в конечном счете в определенной перспективе проявляется объективная экономическая необходимость или закон в чистом виде.

Таким образом, дискуссия 1951 г. - это своего рода инвентаризация процесса апробирования идей построения советской экономики. Несмотря на то что момент истины настанет несколько позже, полученный опыт вдвойне значим, поскольку практически навстречу советской практике пробивалась западная экономическая мысль, чтобы сблизиться когда-то в одной точке. Так, в начале 1950-х гг. Й. Шумпетер, О. Ланге и другие выступили с идеями “конкурентного социализма”, соединяющего плановое начало с рыночной экономикой. В связи с государственными мероприятиями Ф. Рузвельта, выведшими экономику США из состояния великого кризиса начала 1930-х гг., заметно укрепились позиции кейнсианства. Пользовались признанием концепции несовершенной конкуренции. Другими словами, западная экономическая мысль развивалась в направлении все большего освоения принципов государственно-планового регулирования экономики, даже ее частного сектора. Ослабление использования этих

принципов произошло гораздо позже, в 1970-х гг. Германия и Япония еще не избавились от шока поражения в войне, и им предстояло пройти долгий путь поиска и созидания своих, впоследствии показавших высокую эффективность экономических систем. Экономическое “чудо” свершилось позднее¹⁵.

Стало быть, несмотря на широкомасштабные мероприятия для создания экономики нового типа, которая должна была преодолеть товарное хозяйство, вытеснить из жизни закон стоимости так и не удалось. Обобщая теорию и практику советской экономики и экономики западных стран, можно сделать вывод, что закон стоимости является основным законом экономики. Все колебания и неясности вокруг этого закона (и в советской политэкономии, и в западной экономической мысли) свидетельствуют о том, что его сущность нельзя раскрыть, замкнувшись в рамках какой-то одной геометрической системы. Предельно ясно, что политическая экономия в любых ее разделах не может апеллировать лишь к опыту отдельных стран, ибо экономические законы не знают национальных границ. Более того, очевидное движение навстречу экономик с диаметрально противоположными принципами организации (конвергенция) подводит к пониманию того, что в экономике, близкой к оптимальной, существует две сферы, которые должны находиться в равновесии. Наряду с этим, отмеченная выше точка зрения И. Сталина о разграничении сфер действия между законом стоимости и законом планомерного развития, на наш взгляд, содержит намек на то, что именно закон стоимости сосредоточивает в себе две сферы действия (равновесия) и обеспечивает общее равновесие экономической системы. Да и в классических традициях закон стоимости одновременно детерминирует меновую и распределительную функции, а значит, можно предположить, что он имеет две сферы действия (обмен, распределение).

Распределение представляет собой сложное явление, которое накладывает отпечаток на всю экономическую деятельность, влияет на пропорции производства и потребления. О том, что ему отведено особое место в политэкономии, отмечалось еще в письме Д. Риккардо Т. Мальтусу от 9 октября 1829 г.: “Вы полагаете, что политическая экономия является исследованием о природе и причинах богатства; я же думаю, что ее следовало бы назвать исследованием законов,

определяющих распределение произведенного продукта между классами, участвующими в его образовании. В отношении общего количества нельзя установить какого-либо закона, но есть возможность установить сравнительно правильный закон в отношении пропорций. С каждым днем я все больше убеждаюсь, что исследования первого вопроса тщетны и обманчивы и что только последний представляет собой истинный предмет науки¹⁶.

Суть проблемы распределения пытались выяснить с помощью различных теорий. Пожалуй, наиболее популярной и востребованной политэкономией оказалась теория стоимости, которая получила различные интерпретации: затратная теория А. Смита, трудовая теория Д. Рикардо, теория полезности Ж.-Б. Сея, теория прибавочной стоимости К. Маркса и др.

Действительно, вопрос о стоимости является самым запутанным и неоднозначным, так как стоимость сокрыта в товаре. Для понимания ее сущности обращались к меновой стоимости, за которой скрывалось то общее, что есть в товаре, - он является продуктом труда человеческого. Труд, меняя вещество природы и перенося на него, кроме собственной стоимости, стоимость прошлого труда, воплощенного в полуфабрикатах и средствах производства, производит новый продукт, товар, а общественное разделение труда и потребление определяют его стоимость. Поэтому не случайно особое место в экономической теории отводилось трудовой теории стоимости, с точки зрения которой стоимость - это овеществленный в товаре абстрактный труд, или стоимость товара есть функция затрат труда. Ее разработкой занимались А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс и др. Так, А. Смит писал, что "труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилем стоимости, или единственной мерой, посредством которой мы можем сравнивать между собою стоимости различных товаров во все времена и во всех местах"¹⁷.

Конечно, из рассуждений ученого не следует, что именно труд должен быть использован как своеобразная мера стоимости. А. Смит подметил и подчеркнул значение труда и его приоритет в ценообразовании товара, а также то, что эта тенденция представляет собой естественный ход вещей. В его интерпретации "невидимая рука" рынка соразмеряет по данному критерию различные товары. Если же эту теорию гипертрофиро-

вать и слишком условное понятие "абстрактный, общественно необходимый труд" использовать в качестве единицы измерения, то на практике произойдет формирование затратного механизма, т.е. производство ради производства, что фактически было реализовано в социалистическом народном хозяйстве, когда шаги по сплошному государственному планированию и нормированию всех стадий экономического воспроизводства привели к упадку хозяйственного механизма, производству некачественных товаров, дефициту, стагнации.

В отличие от сферы распределения, надо полагать, обмен является более узким местом в экономике (фактически взаимная или встречная передача имущества между контрагентами-собственниками), чем обычно принято думать, т.е. непосредственно меновые отношения. Так, на взгляд У.С. Джевонса, который был едва ли не первым среди маржиналистов, заложивших основы концепции совершенной конкуренции, равновесие обмениваемых благ детерминирует ряд предпосылок: обмен происходит на рынке, полная информированность, отсутствие сговора, свободная конкуренция, однородность продукции. Рынок - это два индивида или более, обменивающих два или более вида благ. Каждый участник осуществляет обмен исключительно в собственных интересах. Конкуренция на рынке носит совершенно свободный характер, так что каждый индивид моментально идет на обмен, когда какой-то другой участник рыночного процесса предлагает чуть более выгодные условия обмена. Обращающиеся на рынке блага однородны по своим качествам.

Итак, нетрудно заметить, что для У.С. Джевонса именно рынок отождествляется с обменом. Правда, чтобы появилось еще более полное представление о рынке, следует добавить две значимые вещи, позволяющие лучше его понять в главном. Во-первых, поскольку рынок обусловлен общественным разделением труда и вызванным им обменом между собственниками результатами их труда, постольку рыночный обмен сохраняет равновесие и эффективно функционирует лишь при условии, если он осуществляется на эквивалентно-возмездной основе и его субъекты признают друг в друге обособленных, равноправных собственников. Во-вторых, эквивалентный обмен результатами труда невозможно обеспечить без юридически-формального закрепления

экономических прав и свобод. Это уже накладывает на рыночные отношения отпечаток присутствия государства, что, по сути, имеет как положительный, так и отрицательный эффект.

В основе рыночного ценообразования, формирующегося путем установления спроса и предложения, лежит идея предельной полезности благ. Для сокращения затрат и повышения доходности экономические субъекты используют такие методы, как замещение ресурсов для обеспечения их предельной доходности, минимизация издержек производства, достижение экономического равновесия, т.е. равенства предельных издержек и предельного дохода. Данные методы приводят в движение механизмы ценообразования на факторы производства. Поэтому вполне справедливо утверждение, что рыночный механизм лучше всего характеризует закон убывающей предельной полезности.

Позитивная привлекательность такого представления состоит в том, что человек, его потребности становятся целью производства. Согласно теории предельной полезности потребительная стоимость (ценность) есть функция степени полезности товара, услуги. Общая экономическая оценка блага тем или иным потребителем равна его предельной полезности. Прибыль получает та компания, которая предложит потребителю наиболее востребованный товар. Предоставляется широкое поле для развития именно эффективного производителя, а производители тех товаров, стоимость которых выше рыночной, несут потери или разоряются. Конкуренция работает в интересах потребителя, общества. Преимущество извлечения максимальной выгоды, страх банкротства заставляют производителя товаров, услуг прилагать все усилия для того, чтобы удовлетворить любые пожелания потребителя, отчего благосостояние общества растет и достигается цель экономической деятельности.

Таким образом, закон стоимости с точки зрения теории предельной полезности ориентирует производителя на интересы потребителя, регулирует пропорции общественного производства, дифференцирует товаропроизводителей и стимулирует развитие производительных сил. В то же время при всех своих достоинствах этот подход имеет свои границы распространения и эффективно работает только в рамках обмена. Так, в 1870-х гг. У.С. Джевонс, К. Менгер и Л. Вальрас при объяснении цены в моделях обмена сместили акцент с подсчета тяжести труда (как у клас-

сиков) к неоклассическим идеям полезности и относительной редкости. Общим отправным пунктом для неклассической теории капитала стала однопродуктовая модель агрегированной производственной функции Самуэльсона - Солоу - Савана: $Q = f(L, K)$, где одно произведенное благо (Q) может непосредственно потребляться и накапливаться, чтобы потом использоваться в качестве капитального блага (K). С подачи Самуэльсона эта простая модель опирается на три ключевые притчи:

- реальная отдача капитала (ставка процента) определяется техническими характеристиками убывающей предельной производительности капитала;

- рост объемов капитала ведет к снижению предельного продукта дополнительного капитала, а значит, к более низкой ставке процента, и такая же обратная монотонная зависимость справедлива для коэффициента фондоемкости и устойчивого уровня душевого потребления по отношению к изменению объемов капитала;

- распределение доходов между рабочими и капиталистами определяется относительным излишком/дефицитом факторов и их предельными продуктами¹⁸.

Однако при переходе к более сложным моделям с неоднородными капитальными благами изложенные притчи порождают трудности - проблемы эффектов Викселля (обратное переключение и реверсирование). Например, обратное переключение (reswitching) возникает, когда одна и та же технология - некоторое физическое отношение капитала к труду - используется при двух и более различных ставках процента, а при промежуточных значениях ставки процента предпочтение отдается другим технологиям. С понижением ставки процента минимизирующая издержки технология "переключается". Одна и та же физическая технология соотносится с двумя различными ставками процента, что противоречит первой и второй притчам. Вторая проблема связана с реверсированием капитала (capital-reversing); так, при сравнении двух стационарных, равновесных состояний получается, что услуги капитала стоят меньше, когда капитал становится "более редким". Следовательно, отношение капитала к труду снижается при понижении процентной ставки, и кривая спроса на капитал не везде имеет отрицательный наклон, что противоречит второй и третьей притчам¹⁹.

Чтобы разрешить возникшую проблему с капиталом, Самуэльсон интуитивно предлагает использовать австрийскую идею капитала как времени (производительность капитала есть производительность самого времени)²⁰. А экономист Солоу, опираясь на теорию капитала в традициях И. Фишера, пытается сосредоточиться на норме отдачи от инвестиций²¹. Однако несмотря на активный поиск различных выходов из тупиковой ситуации, теория распределения, в основе которой лежали идеи относительной редкости и предельной полезности, в отношении капитала оказалась несостоятельной²².

Весьма важно, что в ходе обсуждения судьбы капитала была высказана точка зрения, заслуживающая пристального внимания. Речь идет об утверждении, что суть капитала - в собственности, которой владеет капиталистический класс и которая дает ему законное право и экономическую власть брать долю излишка, сделанного в ходе производственного процесса²³.

Следует подчеркнуть, что именно право собственности становится камнем преткновения на пути дальнейшего распространения сферы действия закона предельной полезности, а вытекающая из него экономическая власть выводит из равновесия систему предельной полезности на микроуровне (в отдельно взятой производственной единице). Поэтому, на наш взгляд, тезис о том, что присвоение доли излишка является законным правом капиталистов, является весьма зыбким. Ведь злоупотребление экономической властью как раз и нарушает баланс, т.е. эквивалент между трудовыми затратами и доходом. Право собственности в классическом понимании дестабилизирует эффект предельной полезности и в отношении другого фактора производства - труда.

Кстати, точка зрения, согласно которой не капитал, а труд составляет основу собственности, имеет укоренившиеся в политэкономии традиции. Так, А. Смит подчеркивал, что "самое священное и неприкосновенное право собственности есть право на собственный труд, ибо труд есть первоначальный источник всякой собственности вообще"²⁴.

Несомненно, труд является источником всякой собственности, здесь не может быть каких-либо серьезных возражений. Действительно, истинная собственность в идеале адекватна результатам труда, т.е. на правах собственности может принадлежать только стоимость, соразмер-

ная затраченным усилиям конкретного лица. Однако в современных условиях производственная деятельность очень редко имеет индивидуальную трудовую форму, широко распространен коллективный, совместный характер труда, в котором смешиваются индивидуальные затраты и невозможно конкретизировать адекватный им доход.

Кроме того, поскольку непосредственно труд - это интеллектуально-физиологическая функция (способность) личности, которая неотделима от природы человека (по сути сокрыта в нем), то, стало быть, само отношение к труду (в отличие от его результата - товара) не может быть охарактеризовано как отношение к собственности. Другое дело, нечто внешнее - товары, которые, безусловно, являются объектами собственности, но не сама трудовая функция. Уже отсюда очевидно, что рынок бессилён дать труду адекватную оценку по принципу предельной полезности.

Используя модели спроса и предложения на труд, кейнсианцы в свойственной им интерпретации пришли к такому же выводу. С их точки зрения рынок труда отличается от других товарных рынков вследствие того, что на нем продается специфический товар - рабочая сила. Это делает рынок труда сферой пересечения интересов различных социальных институтов (государства, профсоюзов, объединений предпринимателей), которые прямо или косвенно вмешиваются в действие рыночных механизмов, отклоняющих рынок труда в сторону несовершенной конкуренции. Предложение труда, полагают кейнсианцы, не реагирует на колебания цены труда, а изменяется только в результате роста зарплаты. Заработная плата - единственный источник существования наемных работников. Спрос на труд вызывается не ценой труда, а величиной "эффективного" спроса на блага. "Эффективный" спрос есть "некоторое значение функции совокупного спроса, соответствующего уровню занятости, при которой предприниматель может максимизировать размер ожидаемой прибыли"²⁵. Достижение максимума прибыли вовсе не означает установления максимального уровня занятости. Под влиянием различных факторов в экономике может сложиться такой уровень "эффективного" спроса на блага, который будет значительно ниже уровня совокупного спроса при полной занятости. Если предприниматели в соответствии с величиной "эффективного" спроса на рынке товаров и услуг установили потребность в рабочей силе и, исхо-

дя из условий максимизации прибыли, ставку номинальной зарплаты, то при повышении зарплаты в результате увеличения издержек на наем величина спроса на труд сократится. Сокращение зарплаты не способно увеличить спрос предпринимателей на рабочую силу даже за счет сокращения затрат на нее. Это обусловлено невозможностью расширения производства в условиях неизменного “эффективного” спроса на блага, поэтому при изменении зарплаты спрос на труд будет абсолютно неэластичен по отношению к ней. Цена труда изменяется только в направлении роста. При номинальной ставке зарплаты предложение труда превышает объем спроса на рабочую силу. Данная ситуация на рынке труда называется квазиравновесием, и такое состояние устойчиво и долговременно. При несовпадении спроса и предложения на труд вместо изменения ставок зарплаты происходит количественное приспособление предпринимателей и наемных работников к изменившимся условиям. Домашние хозяйства сокращают свое потребление, предприниматели в соответствии с изменившимся “эффективным” спросом на рынке товаров снижают объемы производства и занятости, тем самым углубляя разрыв между спросом и предложением.

Таким образом, была опровергнута позиция представителей неоклассической концепции, согласно которой рынок труда подобен рынку всякого другого товара, а труд - это обычный фактор производства, обладающий признаками однородности и делимости. А значит, рынок труда функционирует в условиях совершенной конкуренции, предприниматели, максимизируя прибыль, продолжают набор работников до тех пор, пока объем дополнительной выручки от привлечения одного рабочего не сравнивается с дополнительными издержками фирмы на его наем. На самом же деле автоматически не устанавливается равенство предельного продукта труда и реальной зарплаты. Выходит, не только цена капитальных услуг (ставка процента) не определяется относительной редкостью и предельной производительностью совокупного капитала, но то же самое происходит и с ценой услуг труда (ставка заработной платы) - относительной редкостью и предельной производительностью труда. Следовательно, утверждение Робинсона о том, что анализ равновесия нельзя считать адекватным инструментом для исследования процессов роста и накопления капитала, распространяется и на труд²⁶.

В то же время, на наш взгляд, отсутствие удовлетворительных результатов (стабильности) не ставит под вопрос концепцию равновесия как завершения экономического процесса, поскольку проведенный анализ только подтвердил наше предположение, что теория предельной полезности имеет свои границы, т.е. действует только в рамках обмена, в процессе взаимодействия между производителями и потребителями. Вполне логично предположить, что свои границы распространения имеет и трудовая (затратная) теория. Каждая из теорий, заблуждаясь по поводу своей самодостаточности, содержит в себе недостаток, который не позволяет распространить свое влияние на весь процесс воспроизводства. Значит, вполне уместно суждение, что у каждой из них есть своя сфера действия. В связи с этим становится понятным, почему отдельные экономисты (А. Маршалл, Э. Бернштейн, М.И. Туган-Барановский и др.) предлагали не противопоставлять эти две теории.

Стало быть, закон стоимости сосредоточивает в себе два вида равновесия. Одно устанавливается внутри фирмы в виде соразмерности трудовых затрат и доходов, другое складывается на рынке между производителем и потребителем в результате обмена (мены). Причем эти равновесия взаимосвязаны друг с другом, поскольку дисбаланс одного негативно отражается на другом. А раз экономики со смещенным центром тяжести в какую-либо сторону (плановая или рыночная) могут существовать долгое время, выходит, что эта взаимосвязь и весьма эластична.

Следовательно, равновесие в сферах обмена и распределения гарантирует общее равновесие экономической системы. Чтобы прояснить ситуацию до конца, вернемся к рассмотрению закона стоимости с позиции затратной (трудовой) теории. Логика подсказывает, что сфера его действия сосредоточена на микроуровне (внутри фирмы, отдельной компании), значит, во внутрифирменном распределении совокупного дохода компании существует равновесная точка, отклонение от которой нарушает общее равновесие. Понятно, что проблема распределения дохода отпала бы сама собой, если бы единственным субъектом экономики был индивидуальный производитель. В действительности же это редкое исключение, чаще компании объединяют несколько работников, а среди них в современной экономике наиболее распространена и значима акцио-

нерная форма хозяйствования. А.А. Пороховский отмечает, что, хотя в передовых странах на малый бизнес, индивидуальные предприятия приходится до 70% от числа всех предпринимательских единиц в стране, тем не менее, лидируют в экономике именно акционерные общества, на них приходится львиная доля ВВП и национального дохода²⁷.

В таких компаниях совокупный доход обычно распределяется между тремя категориями: собственниками, организаторами производства и сотрудниками. Акционеры - это особая группа, к которой обычно относятся ее собственники и руководители компании, иногда ее сотрудники. Право собственности позволяет им диктовать правила распределения дохода фирмы и свободно изымать излишек доли дохода. Ныне известны только два фактора, сдерживающих произвол экономической власти. Во-первых, большая роль при перераспределении доходов на микроуровне принадлежит социальному партнерству, поскольку противостоять власти собственника может только организованная сила работников (профсоюз). Однако компромисс, выработанный в ходе коллективных переговоров, не всегда позволяет сбалансировать систему распределения. Во-вторых, современные государства в целях перераспределения используют два рычага воздействия. Первый - это проведение государственной политики доходов и расходов (фискальные меры). Второй заключается в правовом обеспечении состязательных процедур между представителями наемных работников и работодателями, а также гарантирует уровень минимальной оплаты труда.

В конечном итоге, как показывает жизнь и периодически сотрясающие страны экономические кризисы, только этих методов недостаточно. Забастовка не всегда может быть эффективным средством перераспределения дохода, поскольку во всех отношениях очень трудно с помощью комплекса организационно-правовых мер обеспечить поиск баланса интересов в социальном партнерстве, да и как крайняя мера воздействия на собственника со стороны работников она имеет негативные последствия для самих инициаторов. В то же время предельно ясно, что основная проблема заключается в достижении оптимального распределения вновь созданной (прибавочной) стоимости между участниками производства. Обычно эту схему сводили к двум факторам производства (труду и капиталу) и рассуждениям о

том, какой из них является подлинным источником прибыли. Здесь можно выделить несколько подходов. Первая позиция однозначно связывает образование прибыли только с капиталом. Так, Ж.-Б. Сей полагает, что прибыль есть результат производительности капитала. В своих работах И. Фишер, Дж. Кларк, Л. Вальрас определяют капитал как "дисконтируемый поток доходов". Сторонники второй позиции придерживаются сугубо противоположного мнения. Так, К. Маркс в рамках классовой доктрины и теории прибавочной стоимости отмечает, что рабочая сила в процессе ее потребления создает новую стоимость, притом стоимость большую, чем она сама стоит. В связи с этим Маркс делал вполне логичный в рамках своей "геометрической системы" вывод: прибыль есть результат присвоения чужого труда, т.е. "незаработанный доход". Третий подход представляет собой разброс мнений между отмеченными крайними позициями. Право на прибыль (долю дохода, содержащегося в новой прибавочной стоимости) принадлежит обоим классам (рабочим и капиталистам), но в основе этого права лежат трудовые затраты. Во-первых, Д. Хайман, определяя капитал как ресурс длительного пользования, создаваемый с целью производства большего количества товаров и услуг, распространяет это понятие на оба фактора. Физический капитал включает в себя материальные средства производства (машины, оборудование, оборотные материалы, здания, сооружения). Человеческий капитал состоит из навыков людей. Следующий шаг делает К. Виксель, который отмечает, что в реальном смысле не бездушный капитал, а лишь живые человеческие существа и извечные силы природы, в особенности солнце, физические и химические силы земли являются производительными²⁸.

Дж.С. Милль переносит данную точку зрения на капиталиста (собственника), указывая, что прибыль - это, с одной стороны, его трудовой доход, а с другой стороны, плата за риск убытков в случае неудачного решения. Однако с позиции затратной теории было бы несправедливо считать, что вся прибыль (прибавочная стоимость, излишек) - это заслуженное вознаграждение только предпринимателя за его талант управления и риск или же результат производительной силы капитала (физического капитала). Ведь А. Смит и Д. Рикардо утверждали, что прибыль представляет собой результат именно труда, т.е. речь идет

о трудовых затратах всех участников производства, именно *всех*.

Таким образом, трудовая (затратная) теория стоимости вполне обоснованно подчеркивает, что именно затраченные трудовые усилия дают право всем участникам производственной деятельности на соразмерную им долю дохода. Конечно, было бы замечательно, если бы на рынке в соответствии с трудовыми затратами происходило автоматическое распределение компанией доходов вновь созданной стоимости, но в действительности экономическая власть, основанная на праве собственности, перераспределяет прибыль и нарушает баланс доходов внутри фирмы. Поэтому и представляется, что критической точкой достижения оптимальных пропорций является именно распределение прав собственности в компании и только их правильное урегулирование гарантирует экономическое равновесие и в частности, и в целом. В данной связи, надо полагать, необходимо расщепление права собственности таким образом, чтобы за каждым участником производства закреплялся определенный объем этого права, который позволял бы располагать долей дохода компании, адекватной затраченным усилиям.

Расщепление прав собственности, т.е. формирование пучка прав (англосаксонская традиция), бесспорно, сложный вопрос, который *требует отдельного детального экономико-правового исследования*. Но можно предположить, согласно затратной теории стоимости, что все занятые в процессе производства имеют право участвовать в распределении дохода компании, и уже известны два подобных подхода. Первый связан с развитием права на участие рядовых работников в собственности компании, такой опыт имеет место и широко стимулируется некоторыми государствами (программы передачи во владение долей, акций). Второй представляет собой создание компаний в организационно-правовой форме производственных кооперативов, когда каждый член имеет один голос и доход распределяется в зависимости от результатов труда.

Возможен и третий путь - формирование альтернативного центра консолидации прав собственности, которому делегируются индивидуальные права на долю собственности, вытекающие из права на результаты труда. Каждому работнику принадлежит только один голос, который он передает только для распределения дохода ком-

пании (что-то вроде комитета работников на немецких предприятиях).

Таким образом, на наш взгляд, наиболее оптимальный подход соединяет два вида равновесия в общем, одно - внутри компании, другое - на рынке. Оба равновесия представляют собой закон стоимости, он же детерминирует общее экономическое равновесие.

В экономической теории упоминаются несколько подходов к решению проблемы общего равновесия. Первый - это, конечно, рыночный, т.е. доходы распределяются в соответствии с полученными от факторов производства предельными продуктами. Второй - эгалитарный, или уравнивательный, когда все члены общества получают равные блага. Третий подход нацелен на повышение уровня жизни наименее обеспеченных членов общества (Дж. Роулс) или на максимальное количество обеспеченных членов общества путем пропорционального распределения благ в соответствии с различными функциями их полезности (И. Бентам).

Главный недостаток первого способа нам известен: он не может уравновесить доходы внутри компании. Внедрение второго подхода, как показал опыт социалистических стран, приводит экономику к стагнации. Третий практикуется развитыми странами: борясь с бедностью, они поддерживают эффективный спрос, который стимулирует экономический рост и ослабляет негативные последствия чисто рыночной экономики.

Наш вариант условно можно назвать затратно-рыночным подходом. Согласно этому подходу, эквивалент затраченных усилий полученному вознаграждению достигается на уровне компании через расщепление права собственности, чем обеспечивается эффективный спрос, соразмерный произведенному продукту, а за пределами компании осуществляется рыночный обмен стоимостями по принципу предельной полезности. При таком раскладе мы получаем два равновесия, и это в чем-то совпадает с суждением В. Парето, который указывал, что равновесие лишь тогда существует, когда устанавливается не только равновесие спроса и предложения, но и равновесное благосостояние участников экономических отношений. Оптимум Парето - это идеал, в котором не только сбалансирован обмен, но и растет благосостояние всех его участников.

Анализ сотрудничества затратной и потребительской теории стоимости само собой подво-

дит к проблеме понимания смешанной экономики и позволяет вновь с критической точки зрения взглянуть на наши выводы. Сам термин “смешанная экономика” не имеет однозначного толкования. Его наиболее распространенные трактовки делают упор в одном случае на комбинирование различных секторов экономики (частного и государственного). В другом варианте на первый план выдвигается проблема сочетания рынка, рыночного механизма и государственного регулирования (кейнсианство). Третий вариант интерпретации инициирован социал-реформистскими течениями и основывается на соединении интересов частного предпринимательства и социальных гарантий. Наиболее яркими предвестниками смешанной экономики современного типа являются ленинская система “новой экономической политики” и концепция конвергенции двух экономических систем американских либералов. Ленинская модель предполагала одновременное сосуществование двух политико-экономических альтернативных секторов (по ленинской терминологии - “укладов”) - капиталистического и социалистического. Вроде бы в данных суждениях присутствует здравый смысл, но все-таки, на наш взгляд, что-то важное ускользает из поля зрения, если смешанную экономику понимать как сочетание частного и государственного укладов или элементов командной (плановой) экономики и свободного рынка. Попробуем вникнуть в этот вопрос. Так, в командной (плановой) экономике государство является вездесущим, оно директивно регламентирует пропорции всей экономической системы, вплоть до мелочей. Опыт социалистических стран показал, что при таком подходе возникают побочные эффекты, отражающиеся на всей экономике, которые превращают ее в крайне неэффективный механизм. Самый большой недостаток такой экономики в том, что она не настроена на удовлетворение индивидуальных потребностей. Жесткий регламент подавляет свободу экономической деятельности - движущую силу общественного развития, а ограничение свободы творчества особенно губительно проявляется в условиях НТР. Метод сквозного планирования настолько сузил обменную сферу закона стоимости, что это деформировало всю экономическую систему. Ведь определить стоимость товара на основе рационального подхода (плана) невозможно, ибо наиболее точная стоимость товара, адекватная затратам, складывается в ходе

обмена на рынке, поскольку здесь решающую роль играет принцип предельной полезности.

В то же время было бы неправильным понимать функцию планирования как присущую только социализму и нечто негативное по отношению к рынку, его антипод. Планирование обычно используется и в рамках отдельных фирм в виде маркетинговой системы управления (микроуровень), и в государственном регулировании экономики (макроуровень), не затрагивающем самого рынка. Прогноз рынка и в соответствии с ним планирование позволяют заблаговременно сокращать выпуск устаревающих товаров и переходить к качественно новым моделям и видам продукции. Государственные отраслевые и общенациональные программы (планы) также оказывают существенное влияние на объем и структуру производимых товаров и услуг, обеспечивая их большее соответствие изменяющимся общественным потребностям; перераспределяют ресурсы для развития новейших отраслей. Таким образом, плановые методы хозяйствования выступают как средство активного приспособления к требованиям рынка, а не подмены собой рынка, соответственно, их применение должно гармонично вписываться в рыночную среду.

Сторонники классической чистой рыночной экономики напротив утверждают, что сила “невидимой руки” все урегулирует и сбалансирует без какого-либо участия государства. В то же время есть две проблемы, которые рынок не может решить без посторонней помощи. Во-первых, он не в состоянии бороться с монополиями, необходимо вмешательство государства. Во-вторых, рынок ограничивается сферой обмена, т.е. тем, что происходит за пределами компаний, в рамках стадии производства. Закон предельной полезности четко работает в ходе рыночного обмена, но становится бессильным при урегулировании пропорций внутри компании, т.е. он нечувствителен к таким категориям, как труд и капитал. Здесь решающее значение имеет собственность на капитал (средства производства). Вопрос цены труда (зарплаты, дохода) решается сугубо субъективно, диктуется экономической властью работодателя, основанной на эффекте собственности. Именно в этой плоскости начинаются негативные трансформации, которые впоследствии ведут к перепроизводству, кризисам.

Экономический кризис рассматривают как имманентное свойство рынка или же негативный

эффект исключительно свободной, нерегулируемой рыночной экономики. Представляется, что сам рынок здесь ни при чем, проблема лежит не в плоскости меновых отношений, а в праве собственности (чтобы избежать искаженного понимания последней категории, будет более правильным сказать: не в самой собственности, а в распределении прав собственности (пучка прав)). Противоречивость проявления кризиса в том, что, с одной стороны, возникает перепроизводство, а с другой - нужда основной массы населения. Главное недоразумение и парадокс в том, что перекося в распределении доходов препятствует сведению вместе непокрытого предложения товаров, услуг и очевидную потребность в них из-за отсутствия средств. Причем невостребованный товар уже произведен, т.е. в нем заложены затраты труда именно тех, кто не в состоянии приобрести ему необходимые, но увя недоступные товары. Значит, корень проблемы кризиса находится в диспропорции распределения доходов, основная причина - неадекватное вознаграждение за труд, нарушающее равновесие между производством и потреблением.

Выходит, что как чистая рыночная, так командная экономика - это крайности. Возможно, стремление к среднему побуждает в настоящее время наиболее развитые страны формировать хозяйственные системы, которые принято называть смешанными. Модель "смешанной экономики", на первый взгляд, размывает "рыночную чистоту". В то же время чисто рыночная экономика, т.е. экономика, которая не испытывала бы какого-либо давления со стороны государства, в принципе невозможна, поскольку в любом случае на общественном поле присутствует политическая власть, по меньшей мере с фискальным инструментом перераспределения для реализации общих дел. Да и сами по себе рыночные отношения не могут совершаться без государственно-правового обеспечения. На основании вышесказанного возникает вопрос о корректности понятия смешанной экономики, поскольку нечего смешивать. Другое дело, что в результате проведенного выше анализа закона стоимости мы пришли к следующему выводу: экономика должна быть уравновешена в двух рассмотренных нами сферах, суть которых точнее будет выражать понятие "сбалансированная экономика". Более того, общий баланс двух равновесий гарантирует стабильное развитие всей экономической системы,

ее бескризисный поступательный рост. Иначе говоря, обе тенденции тесно взаимосвязаны: пока все пропорции сбалансированы, растет экономика в целом, т.е. общее благосостояние.

В завершение необходимо сказать также о прикладном аспекте экономики. Безусловно, как было уже отмечено, он имеет положительное значение. Однако увлечение релевантными моделями не должно отклонять исследователя от главной цели, которая заключается в том, чтобы пролить свет на законы. Правда, понимание законов имеет различное толкование. Так, с точки зрения А. Маршалла, "общественный закон - это обобщение общественных тенденций, т.е. обобщение, гласящее, что от членов какой-либо социальной группы при определенных условиях можно ожидать определенного образа действия"²⁹. В предложенной трактовке акцент на существование тенденций не вызывает отторжения, однако осознание закона как ожидаемых образов действия социальных групп, на наш взгляд, затуманивает его понимание, поскольку закон, закономерность, по нашему мнению, это объективно существующая сила, тенденция, которая неуклонно обеспечивает определенную причинно-следственную связь. Научное познание, выявление объективных закономерностей, повторяемостей имеет насущный смысл - обеспечивает позитивную, необратимую эволюцию экономических систем, но не сиюминутное обманчивое достижение, поскольку в последнем случае неотвратимо возникают потери, еще большие по своему масштабу, чем приобретения. На наш взгляд, именно осуществление хозяйственной деятельности в соответствии с законами объективной реальности детерминирует стабильное по восходящей линии развитие экономики, социума. В противном случае дутый экономический подъем в известное время обернется глубоким спадом. Как уже было сказано, человек по своей природе подвержен крайностям, страстям (негативный эффект свободы воли), которые имеют деструктивное проявление и ведут к локальным и глобальным кризисам, дестабилизации систем. В этом смысле законы приносят неопределимую пользу для человечества, их главное предназначение в том, что они существуют ему во благо.

¹ См.: *Карягина В.С.* Правореализация в экономической сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 22; *Ручкина Г.Ф.* Понятие и содержание экономической деятельности и ее соотношение с хозяйственной и

предпринимательской деятельностью // Юрист. 2003. № 2.

² *Barr P.* Политическая экономия. Т. 1. М., 1995. С. 48.

³ *Маршалл А.* Принципы экономической науки. Т. 1. М., 1993. С. 69.

⁴ *Harrod R.* Scope and Method of Economics // *The Economic J.* 1938. Vol. 48. № 191. P. 388.

⁵ Цит. по: *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004. С. 146.

⁶ *Begg I. Henry B.* Introduction // *Applied Economics and Public Policy* DAE occasional paper. 1998. № 63. P. 4.

⁷ *Ананьин О.* Экономика: наука и/или искусство // *Вопр. экономики.* 2007. № 11. С. 20.

⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 154-223. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t16/t16_33.htm (дата обращения: 16.11.09).

⁹ Там же. С. 154.

¹⁰ Там же. С. 156.

¹¹ Там же. С. 157.

¹² Там же. С. 171.

¹³ Всемирная история экономической мысли. Отечественная экономическая наука. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период. Т. 6, кн. 1. М., 1997. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/oie/mys/ly/1.htm#8> (дата обращения: 16.11.09).

¹⁴ *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 168.

¹⁵ Всемирная история экономической мысли...

¹⁶ Цит. по: *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, денег и процента. М., 1999. С. 12.

¹⁷ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народа. М., 1962. С. 42-43.

¹⁸ *Samuelson P.* Parable and Realism in Capital Theory: The Surrogate Production Function // *Review of Economic Studies.* 1962. Vol. 29. № 3. P. 193-206.

¹⁹ *Wicksell K.* Lectures on Political Economy. Vol. 1. L., 1911 [1934]. P. 149.

²⁰ *Samuelson P.* Summing Up // *Quart. J. of Economics.* 1966. Vol. 80. № 4. P. 568-583.

²¹ *Fisher I.* The Theory of Interest. N.Y., 1930.

²² *Козн А., Харкерт Дж.* Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала // *Вопр. экономики.* 2009. № 8. С. 4-27.

²³ Там же. С. 14-15.

²⁴ Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 184.

²⁵ *Кейнс Дж.М.* Указ. соч. С. 121.

²⁶ *Козн А., Харкерт Дж.* Указ. соч. С. 5.

²⁷ *Пороховский А.А.* Современная российская рыночная модель: экономические и неэкономические факторы реализации // *Формирование российской модели рыночной экономики: противоречия и перспективы* : Междунар. науч. конф. "Ломоносовские чтения", 24-26 апр. 2002 г. М., 2002. URL: <http://www.econ.msu.ru/dp/267/dtype=a> (дата обращения: 28.08.09).

²⁸ *Шемятников В.Г.* Теории капитала. М., 1977. С. 30.

²⁹ *Маршалл А.* Указ. соч. С. 89.

Поступила в редакцию 04.02.2010 г.

ПРАВО НА РЕПРЕЗЕНТАЦИЮ И ПРАВО НА ДИСКУССИЮ - СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

© 2010 В.А. Токарев

Самарский государственный университет

Рассматривается актуальная проблематика представительной демократии в интерпретациях классиков политической и правовой мысли эпохи модерна. Основное внимание уделяется значению дискуссии для принятия решений легитимными представителями народа.

Общепризнанное в политической и юридической науке словосочетание “представительная демократия” критикам представительного правления начала эпохи модерна показалось бы внутренне противоречивым. С их точки зрения, представительное правление не было правлением народа, поскольку репрезентация воспринималась как противоположность чистой демократии. “Два главных пункта, - размышлял Дж. Мэдисон, - составляющих отличие демократии от республики, таковы: первый состоит в том, что правление в республике передается небольшому числу граждан, которых остальные избирают своими полномочными представителями; второй - в большем числе граждан и большем пространстве, на которые республика простирает свое правление”¹. Предпочтение он отдавал республиканскому правлению, считая его системой, способной обеспечить личную безопасность граждан и права собственности в условиях обширных территорий.

Современный подход к осмыслению представительного правления как пространства взаимодействия представляемых и представителей позволяет обозначить идеальные типы политической репрезентации. К ним относятся: а) парламентаризм (точнее - “либеральный парламентаризм”); б) “партийная демократия”; в) “аудиторная демократия”². Критерии их различения были предложены Б. Маненом на основании анализа генеалогии представительных систем и принципов демократических институтов. В качестве этих критериев выступают процедура выборов представителей, их частичная автономия, свобода общественного мнения, а также, говоря словами аббата Сийеса, “испытание дискуссией”. Первые два из них относятся к статусу субъектов репрезентации, в то время как неинституционализированное политическое участие народа, выражаемое в форме свободы общественного мнения, и публичная дискуссия отсылают к вопросу о демократической сущности представительного

правления. Его онтологическими основаниями следует полагать репрезентацию и дискуссию, идущую в самом представительном собрании и вокруг него, в теории и на практике.

Неотъемлемым элементом законотворческого процесса в либеральной традиции репрезентативного правления считается дискуссия свободных в суждениях представителей народа, предшествующая принятию нормативно значимого решения. С легкой руки К. Шмитта в политической науке XX в. представительное правление часто определяли как “правление посредством дискуссии”³. Такое определение следует скорректировать, учитывая то, что немецкий юрист ссылаясь в основном на источники, относящиеся ко второй половине позапрошлого столетия, когда назревал кризис парламентаризма. В более ранних текстах, отражавших процесс теоретического обоснования и реализации принципов репрезентации, дискуссия воспринималась как сама собой разумеющаяся по отношению к народному представительству, и реже упоминалась Дж. Мэдисоном и Э. Берком, чем Ф. Гизо, И. Бентамом и Дж. Ст. Миллем. На данное обстоятельство указывает Б. Манен, выдвигая против концепции К. Шмитта ряд возражений. Во-первых, та же формулировка “правление посредством дискуссии” представляется ему туманной, так как не определяет, какое место в правлении принадлежит дискуссии - она руководит всеми стадиями процесса принятия нормативных решений или некоторыми из них? Во-вторых, правильно ли понимать ее таким образом, что в представительном правлении все становится предметом бесконечной дискуссии, как и в “бесконечной беседе” немецких романтиков⁴?

Признаваемый либералами естественный характер дискуссии, по сути, препятствовал ее адекватному осмыслению и установлению взаимосвязи между ней и законотворчеством. Причины интерпретации дискуссии как структурного элемента парламентаризма К. Шмитт обнаруживал в сфере политической теологии. На его взгляд, именно открытые дебаты позволяли при-

поднять завесу тайны, противопоставив идеалу власти, как политической техники, понятия права и справедливости. "...Специфический противник постулата публичности - представление, что любой политике присущи "Agsana", политико-технические тайны, которые, - отмечал он, - на деле так же необходимы абсолютизму, как коммерческие и производственные тайны необходимы для хозяйственной жизни, основанной на частной собственности и конкуренции"⁷⁵.

Принцип публичности политической власти, выраженный в дебатах, принимал форму абсолютной ценности, органично интегрируясь в дискурс Просвещения как универсальное средство против тайной политики, предрассудков и фанатизма. На этом основании его и относил к области политической теологии К. Шмитт, подчеркивая силу той веры в моральное преимущество дискуссии, которая была свойственна философам права Нового времени. "Осуществляемая за закрытыми дверями узким кругом лиц кабинетная политика сама по себе представляется теперь злом, и, вследствие этого, публичность политической жизни сама по себе - чем-то правильным и добрым"⁷⁶, - утверждал немецкий юрист.

Убеждение в особом статусе дискуссии подкреплялось уверенностью в том, что парламентские дебаты позволяют реализовать принцип правления истины, в идеале выражаемой в законе. Наиболее подходящим способом нахождения истины среди разнообразных мнений считались свободные дебаты, местом проведения которых был парламент. Следовательно, он и должен был стать центральным элементом политической системы эпохи модерна, чью специфику мышления К. Шмитт обнаруживал в экономике и политике. "Здесь заключено также духовное ядро этого мышления вообще, его специфическое отношение к истине, которая становится простой функцией вечного соревнования мнений"⁷⁷, - писал он. Итак, в нормативном правовом акте законодательлю предстояло выразить истину, формируемую конкуренцией мнений, поддерживаемой гражданскими и экономическими правами и свободами, т.е. дискуссией.

По нашему мнению, заслуга К. Шмитта заключалась не в определении им представительного правления через дискуссию и не в анализе эволюции концепций парламентаризма. И то, и другое, скорее, вызывает возражения и замечания, чем находит поддержку у философов и истори-

ков права. Значение его интерпретации причин кризиса парламентаризма состоит в том, что он весьма точно описал напряженность, присущую этой форме организации власти. Она возникала между необходимостью принятия единого для всех граждан решения и разнообразием точек зрения, между свободными дебатами и общественным мнением, оказавшимся изначально за пределами политического поля и влияющим на него извне. "Власть деспотов, - как полагал К. Шмитт, - может быть тем большей, чем больше распространяется просвещение; ибо просвещенное общественное мнение само собой делает любое злоупотребление совершенно невозможным"⁷⁸. Однако основная причина напряженности, присущей парламентаризму, заключалась в непрекращающейся "войне всех против всех", искусственно выведенной, как и общественное мнение, первыми либералами за границы политического поля. "...Чистая демократия, под каковой я разумею общество, состоящее из небольшого числа граждан, собирающихся купно и осуществляющих правление лично, не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой"⁷⁹, - утверждал Дж. Мэдисон. Решение проблемы сохранения общества и защиты каждого его члена следовало искать либо в устранении причин крамолы, т.е. в отказе от свободы, либо в обнаружении средств, умеряющих ее воздействие, т.е. в репрезентации.

Передача депутатам права на дискуссию в результате парламентских выборов переводила общественный организм из перманентной войны в состояние гражданского общества, где обеспечивались индивидуальная безопасность и общее благо. Одновременно с этим для лиц, отвечавших требованиям избирательного закона, сохранялась возможность их участия в политической жизни путем наделения представителей народа правом на дискуссию. В противоположность хаосу формировалось политическое поле, на которое допускались избранные игроки, принимающие по итогам свободной дискуссии общезначимое решение. За его границами оставались не подлежащие дискуссии вопросы и не признаваемые представителями, по каким-то причинам, ответы. "...Политическое поле выполняет функцию своего рода цензуры, - утверждал П. Бурдье, - ограничивая универсум политического выступления - и тем самым универсум политически мыслимого - конечным пространством выступлений,

способных быть произведенными и воспроизведенными в пределах политической проблематики...¹⁰. Любопытно то, что ни вопросы, ни ответы, оказавшиеся “неудобными”, ни состояние “войны всех против всех” не ушли в никуда, периодически напоминая о себе в очередном кризисе парламентаризма и в критике принципов представительной демократии.

Гражданская война, которой опасались отцы-основатели либерального государства, была спрятана ими под налетом веры в подлинное единство, достигаемое по результатам открытого обсуждения в стенах парламента, в реальности не имея с ним ничего общего. “Закон - не способ перемирия, ибо в присутствии закона война продолжает свирепствовать внутри всех, даже самых упорядоченных механизмов власти”¹¹, - отмечал М. Фуко. Осознание этого факта сводило на нет всю политическую теологию и открывало дорогу диктатуре, возникающей в чрезвычайной ситуации и решительными мерами возвращающей нормальный конституционный порядок, что, собственно, и предлагал в свое время К. Шмитт.

Критики упрекают его в том, что в размышлениях о роли дискуссии он нередко выдавал желаемое за действительное. Принцип правления истины, определявший, согласно ему, коллективный характер репрезентативного правления, в работах либералов, оправдывавших такую форму правления, уходил на второй план, уступая место процедуре, обозначенной аббатом Сийесом как “испытание дискуссией”. В памфлете 1789 г. идея морального превосходства дискуссии развивалась им в контексте представлений о конкуренции мнений, подмеченной К. Шмиттом, но не сводилась только к ним. “В этом испытании полезные идеи отделяются от вредных; последние при этом отпадают, а первые продолжают развиваться и уравнивать друг друга до того момента пока, преобразованные и очищенные взаимным воздействием, они в итоге не сольются в одном мнении”¹², - писал в своем памфлете Э.-Ж. Сийес. Его занимали не поиски истины, в чем нас пытался убедить К. Шмитт, а доказательство того факта, что решение получает легитимный характер, пройдя через дебаты в парламенте, которые служат средством для достижения согласия мнений, сами не являясь принципом принятия этого решения. Причем аббат Сийес рассматривает как условие *sine qua non* принятия окончательного решения согласие

большинства, но не единодушие нашедших истину представителей народа. Он сомневается в правомерности требования равенства “общей воли точной сумме всех волей”, эквивалентного отказу от “возможности формирования этой общей воли” и ведущего к “распаду общественного союза”¹³. Здесь необходимо одно важное уточнение.

Ход этих рассуждений органично вписывается в концепцию К. Шмитта, несмотря на явное преувеличение последним значения принципа правления истины. Конечно, перед представителями никогда не стояла недостижимая цель поиска истины или общей воли - в этом утверждении аббат Сийес был не оригинален, так как Дж. Локк приводил похожие доводы в пользу согласия большинства. Он отмечал: “...Необходимо, чтобы целое двигалось туда, куда его влечет большая сила, которую составляет согласие большинства; в противном случае оно не в состоянии выступать как единое целое или продолжать оставаться единым целым...”¹⁴. В таком случае это означало, что решение принимается по окончании дискуссии, но вопрос о том, кто же определяет момент прекращения дебатов, оставался открытым. Лучшего повода для критики парламентаризма нельзя было придумать, чем и воспользовался автор “Диктатуры”.

Искусственно вырванное из “войны всех против всех” и объявленное “гражданским” общество несло на себе отпечаток первородного греха, который представители народа без успеха пытались, по словам К. Шмитта, “растворить” в дискуссии. Представительное правление, задуманное как отличная от чистой демократии политическая система, не только ставило своеобразный фильтр на пути спонтанно формирующегося в условиях свободной конкуренции общественного мнения, но и, по сути, устраняло политическое поле. “Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, - это различие друга и врага”¹⁵, - утверждал К. Шмитт. Основатели представительного правления, сохраняя в гражданском обществе экономические и правовые различия, стремились снять политические различия, переводя врагов в положение дискутирующих законодателей. “Согласно либеральной теории, свободная конкуренция людей, обладающих собственностью и свободой слова, - интерпретирует Дж. Кин концепцию немецкого юриста, - ней-

трализуется государственную власть и делает ее почти излишней”¹⁶.

Вместе с нейтрализацией политического поля в область “подчиненного знания” попадал вопрос о суверенитете, незаметно подменяемый кругом бессмысленных рассуждений. “... Теория суверенитета обязательно ведет к возникновению того, что я бы назвал движением по кругу, движением от субъекта к субъекту...”¹⁷, - сетовал М. Фуко. Это был логический круг, от обаяния которого пытался спасти принципы политического права Ж.-Ж. Руссо, обвиняя репрезентацию в посягательстве на суверенитет народа, и надежной защитой от которого К. Шмитт полагал суверенную диктатуру. Уроком, извлеченным из первого кризиса парламентаризма, должно было стать твердое убеждение в том, что парламент - не место для дискуссий, если общество не желает из состояния гражданской войны перейти в режим диктатуры, не находя сил и средств противопоставить ей что-либо, кроме затянувшихся дебатов уполномоченных законодателей.

Уточним, что ограничение дискуссии означало ее формализацию, но не влекло за собой полного отказа от нее. За ней резервировали определенную сферу (псевдо-) политической жизни общества, вводили ее в рациональные рамки, вне которых оставалось пространство иррационального, внушавшего страх основателям представительного правления. Однако граница между рационализированными дебатами в парламенте и иррациональной борьбой частных мнений оставалась весьма условной, если не сказать прозрачной. В речи перед избирателями Бристоля Э. Берк сравнивал себя с посредником-судоторговцем, поскольку он был “порученцем и ходатаем каждого” и всегда оказывался там, где дела избирателей требовали его присутствия¹⁸. Этому опытному политику, рисковавшему проиграть выборы, было важно здесь и сейчас доказать всем тем, кто находился по другую сторону пространства различения добра и зла (“морального”, но не “политического”, как сказал бы К. Шмитт), что между ним и его слушателями нет непроходимых преград. Они не могут лично участвовать в дебатах, зато они вправе избрать своего представителя (или не избрать, что хорошо понимал Э. Берк) и высказать ему свои пожелания. Спустя полвека Дж. Ст. Милль замечал, что парламент служит также “средством для выражения неудовольствия и представителем всевозможных мнений; он представляет собой арену,

на которой могут проявляться во всей полноте и вступать в борьбу не только общие мнения нации, но и мнения отдельных ее частей...”¹⁹. Важно то, что эти мнения проходят в стенах парламента “испытание дискуссией”, поскольку ни одна воля не вправе навязать себя другим, когда изначально достигнуто согласие, положившее предел “войне всех против всех”.

После периода “золотого века” парламентаризма напряжение между демократической идеей общественных дебатов и аристократической идеей репрезентации привело к его первому кризису. Автономных от избирателей представителей, ведущих дискуссию ради дискуссии, сменили партии, подчинившие своих членов жесткой дисциплине. Дискуссия приняла вид внутрипартийных дебатов, оставшись необходимым условием принятия решения. В эпоху постмодерна и “аудиторной демократии” права на обсуждение добиваются широкие слои населения, определяющие свою позицию буквально накануне выборов. Демократии угрожает уже не сама репрезентация, а техника формирования запросов представляемых субъектов, сохраняющая форму свободной дискуссии, а значит снова актуализирующая политическую теологию, допускающую дискуссии на любые темы, кроме суверенитета.

¹ Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М., 2000. С. 83.

² Манен Б. Принципы представительного правления. СПб., 2008. С. 229-230.

³ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 182-215.

⁴ Манен Б. Указ. соч. С. 229-230.

⁵ Шмитт К. Политическая теология. С. 190-191.

⁶ Там же. С. 191.

⁷ Там же. С. 187.

⁸ Там же. С. 191.

⁹ Федералист... С. 83.

¹⁰ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005. С. 181. Французский социолог уточняет, что “политическая проблематика” понимается им как “пространство принятия позиций, фактически реализуемых в поле, т.е. социологически возможных, исходя из законов, регулирующих входение в поле”.

¹¹ Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005. С. 67-68.

¹² Siéyus E. Vue sur les moyens d'exécution dont les représentants de la France pourront disposer en 1789. P., 1789. P. 93-94. Оригинальный текст памфлета см.: <http://gallica.bnf.fr>.

¹³ Ibid. P. 18.

¹⁴ Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 318.

¹⁵ Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. № 1. С. 37.

¹⁶ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 255.

¹⁷ Фуко М. Указ. соч. С. 60. Он задается классическим вопросом, напоминающим по своей стилистике знаменитый вопрос Ж.-Ж. Руссо: "...Как субъект, рассматриваемый в качестве индивида, естественным путем (от природы) наделенного правами, способностями

ми и т.д., может и должен стать субъектом, но на этот раз понимаемым в качестве подчиненного элемента в системе власти?"

¹⁸ Берк Э. Правление, политика и общество : сборник. М., 2001. С. 233. Разумеется, его высказывания можно было бы отнести на счет обычной в таких случаях предвыборной риторики, ни к чему не обязывающей кандидата, если бы не тот факт, что в самом начале речи Э. Берк четко обозначил свое негативное отношение к императивному мандату депутата.

¹⁹ Милль Дж. Ст. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск, 2006. С. 102.

Поступила в редакцию 03.02.2010 г.

ТАМОЖЕННЫЕ УСЛУГИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО В ТАМОЖЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© 2010 Г.Г. Колесников

Саратовский государственный социально-экономический университет

Рассматривается такая форма взаимодействия частных и публичных субъектов, как оказание таможенных услуг. Предлагается авторское определение таможенных услуг, выявляются их характерные черты. Анализируется содержание административных регламентов, устанавливающих порядок оказания таможенных услуг.

Основные положения Конституции РФ играют доминирующую роль в обеспечении оптимального соотношения частных и публичных интересов. В Основном законе нашей страны закреплены главные принципы организации конституционного строя (что является выражением публичных интересов) и широкий спектр прав и свобод человека и гражданина (что отражает существование частных интересов). Развиваясь в отраслевом законодательстве, конституционные принципы детализируются и в нормах таможенного права, также показывая наличие частных и публичных интересов и их соотношение.

Взаимодействие частных и публичных субъектов при таможенных отношениях выражается в различных формах, во многом обусловленных полифункциональностью всей таможенной системы. Нужно сразу же отметить, что такое взаимодействие в определенной степени асимметрично, т.е. субъекты этих отношений обладают различным правовым статусом. Но властный, активный статус одних (таможенных органов) и подчиненный, пассивный статус других (лиц, перемещающих товары) не должны означать их конфронтации, противостояния и даже вражды.

Не представляется возможным в полной мере согласиться с Е.П. Гавриловой, считающей, что “партнерские отношения государства и бизнеса предполагают равноправие сторон, стремление к компромиссу, непротиворечивость целей, сотрудничество, согласованность взаимных действий”¹. Равноправие публичных и частных субъектов возможно лишь в небольшой части таможенных отношений (например, при осуществлении государственных закупок или при принятии ввезенного товара на хранение). В реальности же абсолютное равноправие встречается достаточно редко. Оно граничит с категорией “равенство”. И, как отмечает Г.Н. Комкова, “очевидно, что

равенство в абсолютном смысле слова есть категория, в общественной жизни полностью не осуществимая и никогда еще в истории не реализованная”².

В большинстве же случаев речь идет об управленческих отношениях, где “правила игры” определяются таможенным органом, действующим в рамках законодательства. Другое дело, что в основе их взаимоотношений не должны лежать злоупотребление своими правами, ущемление интересов каждой из сторон.

В целях улучшения качества соотношения частных и публичных интересов в таможенной сфере проводится работа по обеспечению прозрачности деятельности таможенных органов. Открытость - один из признаков идеальной модели органов государственного управления.

Взаимодействие частных и публичных субъектов предполагает совместную деятельность субъектов, которая может выражаться в их сосуществовании, поддержке, сотрудничестве, координации усилий и т.п. Взаимодействие различных сторон таможенных правоотношений - важная составляющая их эффективной деятельности. Данный институт наиболее проявляется при оказании таможенных услуг.

Одна из важнейших функций таможенных органов - оказание услуг в области таможенного дела, или сервисная функция. Это означает, что указанные органы призваны удовлетворять потребности государства и его граждан. В процессе оказания государственных услуг затруднительно однозначно установить, частный или публичный интерес занимает приоритетное положение. Однако наметившаяся в последнее время ориентация органов власти при оказании услуг на конечного потребителя показывает, что удовлетворению частного интереса уделяется все больше внимания.

Отрадно, что в числе разработанных Правительством Российской Федерации в июле 2007 г.

критериев оценки эффективности работы таможенных органов названы и такие, как повышение качества предоставления услуг таможенными органами, сокращение издержек участников внешнеэкономической деятельности и государства, связанных с таможенным оформлением и таможенным контролем. Таким образом, совершенствование сервисной функции таможенной службы можно признать приоритетным направлением ее развития. Развитие этой функции, «определение ее места на рынке государственных услуг делает институт таможенной службы практически полезным для каждого гражданина, институтом «прозрачным», легитимным, востребованным»³.

Понятие «таможенная услуга» отсутствует в законодательстве, но появилось в специальной литературе - сравнительно недавно, в последние 2-3 года, и, естественно, в его определении встречаются разночтения.

Вначале отметим, что в большинстве случаев таможенная услуга есть разновидность государственной услуги. Л.В. Бесчастнова понимает под ней «нормативно-закрепленную, правомерную, индивидуализированную деятельность, т.е. ряд целесообразных, совершаемых в определенной последовательности действий государственных органов, подведомственных им учреждений по запросу граждан или организаций или в порядке исполнения полномочий, возложенных на конкретные органы государственной власти, подведомственные им учреждения, имеющую полезный эффект, направленный на реализацию и обеспечение прав и законных интересов граждан (организаций) или исполнение возложенных на них обязанностей»⁴.

Понятие государственной услуги появилось в связи с проведением административной реформы, направленной на повышение качества взаимодействия государства в лице его исполнительных органов и должностных лиц с гражданами и организациями. В 2002 г. в Послании Федеральному Собранию РФ Президент В.В. Путин обратил особое внимание на то, что прямой обязанностью государства является предоставление качественных публичных услуг⁵.

В настоящее время искомое определение содержится лишь в проекте федерального закона «О стандартах государственных услуг»⁶. В нем под государственной услугой понимается деятельность органа, оказывающего государ-

ственную услугу, выражающаяся в совершении действий и (или) принятии решений, влекущих возникновение, изменение или прекращение документированной информации (документа) в связи с обращением гражданина или организации в целях реализации их прав, законных интересов либо исполнения возложенных на них нормативно-правовыми актами обязанностей. Отсюда следует, что основной чертой государственной услуги является взаимодействие органа с гражданином или организацией, а ее целью - обеспечение прав и свобод, а также законных интересов.

Признаками государственной услуги являются, во-первых, индивидуальный характер предоставления (оказывается конкретному физическому или юридическому лицу), во-вторых, наличие взаимодействия клиента с органом государственной власти по поводу реализации своих прав, законных интересов, обязанностей. Итак, предоставление государственной услуги напрямую связано с государственной службой. Л.К. Терещенко отмечает: «...государственные услуги непосредственным образом связаны с публичными функциями государства, их оказание государственными структурами основано на этих функциях и вытекает из них»⁷.

Как правило, предоставление таможенных услуг осуществляется таможенными органами. Вместе с тем часть таможенных услуг могут оказывать и лица, не относящиеся к органам публичной власти. Их именуют таможенной инфраструктурой. Это лица, осуществляющие определенные виды деятельности в области таможенного дела на основании специального свидетельства и внесенные в соответствующие реестры ФТС России (гл. 3 Таможенного кодекса (ТК) РФ). К ним относятся таможенные брокеры (представители), таможенные перевозчики, владельцы таможенных складов и складов временного хранения. В силу специфики своей деятельности они вправе оказывать услуги лицам, перемещающим товары через таможенную границу, а именно: совершать таможенные операции; уплачивать таможенные платежи; осуществлять перевозку товаров, находящихся под таможенным контролем; принимать товар на временное хранение. И все же основной объем таможенных услуг приходится на таможенные органы.

ФТС России разрабатывает, утверждает и обеспечивает публикацию перечней государственных услуг, а также требований к качеству и

доступности государственных услуг⁸. Совершенно верно отмечается, что “на рынке государственных услуг таможенная служба в настоящее время практически остается монополистом в ее институциональной, инфраструктурной и процедурно-технологической формах”⁹. Иное невозможно в силу того, что конкуренция присутствует лишь на рынке предпринимательства среди хозяйствующих субъектов.

Е.В. Труниной выделены основные признаки таможенной услуги: добровольность обращения лиц в таможенные органы; получение определенных благ в сфере таможенного дела исключительно в интересах обратившегося лица¹⁰. Развернутое определение таможенной услуги представлено О.А. Старковой: это “совокупность действий, подлежащих совершению таможенными органами и лицами, осуществляющими деятельность в области таможенного дела, в целях обеспечения перемещения товаров и транспортных средств через таможенные границы государств при продвижении товаров от продавца к покупателю в соответствии с требованиями этих государств”¹¹. При этом автор справедливо акцентирует внимание на качестве таможенных услуг, а именно: надежности, оперативности, компетентности, безопасности, культуре обслуживания, информативности и т.д.

Не в полной мере можно согласиться с А.В. Нестеровым, который к государственным услугам относит бесплатные услуги, оказываемые в соответствии с регламентами и стандартами государственных услуг уполномоченными услугодателями добровольно обратившимся заинтересованным лицам¹². В области таможенного дела часть услуг оказывается на возмездной основе, например, хранение товаров на складах временного хранения и таможенных складах. В ст. 318 ТК РФ определен и такой вид таможенного платежа, как таможенные сборы за хранение, которые и взимаются при хранении товаров во время осуществления процедуры таможенного оформления.

Таким образом, необходимо сформулировать собственное определение.

Таможенная услуга - юридическая деятельность таможенных органов и лиц, осуществляющих деятельность в области таможенного дела, направленная на удовлетворение потребностей лиц, перемещающих товары и транспортные средства через таможенную

границу, и заключающаяся в совершении действий или принятии решений в их интересах.

Исходя из данного определения, следует выделить *характерные черты таможенной услуги*:

- таможенная услуга оказывается в рамках юридической деятельности таможенных органов и установленных законом субъектов;

- таможенная услуга оказывается таможенными органами и лицами, осуществляющими определенные виды деятельности в области таможенного дела;

- таможенная услуга может оказываться как на безвозмездной, так и на платной основе;

- таможенная услуга направлена в адрес лиц, перемещающих товары и транспортные средства через таможенную границу либо имеющих такое намерение, и совершается в их интересах.

Выделение законодателем института таможенных услуг подвигло ряд исследователей на формулировку предложений. Так, рассуждая о необходимости совершенствования правового регулирования статуса таможенной службы, А.В. Самойлов предлагает создать на базе ФТС России Федеральное таможенное агентство для передачи функций, реализуемых таможенной службой и имеющих признаки государственных услуг¹³. К этой идее следует отнести критически. Таможенные услуги пронизывают весь комплекс таможенных процедур, включая таможенное оформление, и передача данных функций другому органу нарушит логику построения системы таможенных органов, приведет к запутанности таможенных процессов, их дезорганизации. Кроме того, остается неясным, какие же полномочия в этом случае будет реализовывать ФТС России. Данное предложение видится нам необоснованным ввиду его негативного влияния на статус таможенной службы.

Несмотря на то что институт оказания таможенных услуг только начинает набирать обороты, нельзя не заметить прогрессивную динамику в данном направлении деятельности таможенных органов. С целью оптимизации баланса частных и публичных интересов ФТС России в рамках административной реформы проводит работу по обеспечению прозрачности деятельности таможенных органов при осуществлении государственных функций и предоставлении государственных услуг. Законодательно установлен

ный перечень государственных услуг, оказываемых таможенными органами, в настоящее время отсутствует, однако на справочно-информационном портале определяются такие их виды, как принятие предварительных решений о классификации товаров в соответствии с Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности; применение специальных упрощенных процедур таможенного оформления; выдача квалификационных аттестатов специалистам по таможенному оформлению; принятие пассажирской таможенной декларации и др.¹⁴

Начиная с 2006 г. Федеральной таможенной службой РФ были приняты более 10 административных регламентов, устанавливающих порядок исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг по информированию и консультированию; по принятию предварительных решений о классификации товаров и стране их происхождения; по исполнению государственной функции принятия таможенным органом пассажирской таможенной декларации, поданной физическим лицом; по ведению таможенного реестра объектов интеллектуальной собственности и пр.

Данные документы позволяют лицам, перемещающим товары и транспортные средства через таможенную границу, более оперативно использовать необходимую информацию, получать таможенные услуги в четко регламентированном режиме. Их принятие должно способствовать созданию прозрачных технологий в деятельности таможенной администрации, уменьшению сроков осуществления государственных функций, упрощению административных процедур, созданию благоприятных условий для лиц, пересекающих таможенную границу РФ. Важно и то, что принятые административные регламенты «отвечают требованиям к государственной услуге в интересах ее получателя, что способствует созданию устойчивой правовой базы, а также способствует оптимизации и модернизации государственных услуг»¹⁵.

Отметим, что со стороны хозяйствующих субъектов к государству предъявляются требования кардинального улучшения качества разъяснительной работы по законодательству в сфере внешней торговли. Несмотря на то что ст. 24-25 ТК РФ гарантируется безвозмездное информирование и консультирование по вопросам таможенного дела, ФТС России нередко организует

семинары, конференции, иные мероприятия, носящие разъяснительный характер, участие в которых является платным.

На наш взгляд, это противоречит действующему законодательству, так как в ходе проведения таких мероприятий таможенные органы фактически обеспечивают доступ к информации о действующих правовых актах в области таможенного дела. А такой доступ, согласно п. 1 ст. 24 ТК РФ, должен носить характер свободного и бесплатного. В ходе проведения семинаров таможенные органы практикуют консультирование, которое тоже как в устной, так и в письменной форме осуществляется бесплатно (п. 2 ст. 25 ТК РФ). В данной связи *предлагается ст. 24 Таможенного кодекса РФ дополнить п. 4 следующего содержания: «Проводимые таможенными органами семинары, конференции, иные мероприятия, носящие информационный и разъяснительный характер, организуются на бесплатной основе»*.

Между тем таможенное администрирование, которое проявляется и при оказании таможенными органами государственных услуг, требует дальнейшего совершенствования, что предполагает «своевременное реагирование на процессы, происходящие в обществе; выявление законодательных пробелов и противоречий, а также их устранение; проведение мониторинга с целью установления неточностей в формулировках, содержащихся в нормах права»¹⁶. Здесь необходимо обратить внимание и на *развитие таможенных технологий*. Их несовершенство может привести к весьма значительным потерям для участников внешнеэкономической деятельности. Это в конечном итоге влияет либо на величину прибыли предпринимателя, либо на цену товара. Повышение цены товара в результате негативно отражается и на обществе в целом, поскольку разницу в цене, возникшую вследствие дополнительных издержек, понесенных предпринимателем, приходится оплачивать конечным потребителям товаров, т.е. простым гражданам.

Так, Федеральная таможенная служба ведет строгий контроль за реальным сокращением времени таможенного оформления (оформления грузовых таможенных деклараций) в нижестоящих таможенных органах. С этой целью все большее распространение получает предварительное информирование о перемещаемых товарах. Такая опережающая информация используется, в част-

ности, для заполнения электронной копии транзитной декларации, процедура которой занимает примерно один час.

Между тем деятельность таможенных органов по оптимизации баланса частных и публичных интересов недостаточно последовательна и системна. В Российской газете в марте 2004 г. было опубликовано следующее высказывание первого заместителя Председателя Государственного таможенного комитета РФ: «Для бизнеса настало золотое время... поскольку планируется многократно сократить срок прохождения товаров через российские таможни. Через 4 года... счет будет вестись не на дни, как сегодня, а на минуты или секунды. Потому что к 2008 году наша таможня полностью перейдет на электронное декларирование грузов»¹⁷.

Однако прошло уже 6 лет, но общий срок таможенного оформления товаров, как и прежде, составляет 3 дня, а электронные декларации принимают только 6 тыс. участников внешнеэкономической деятельности¹⁸. Это означает, что лишь каждая пятая грузовая таможенная декларация является электронной. При этом в таможнях ЕС и США в электронном виде оформляется 98-99% грузов¹⁹. Эти и другие данные свидетельствуют о невысоких показателях применения упрощенных процедур и перспективных технологий на протяжении длительного периода. То есть нововведения в рамках развития таможенных процедур в виде их гармонизации и упрощения не всегда осуществляются в комплексе с созданием условий для их широкого и успешного применения.

Отметим, что на территории Евросоюза в основу реформирования таможенного законодательства положено развитие информационных технологий, способствующее упрощению и ускорению перемещения товаров через таможенную границу. Европейской комиссией решено, что с 1 января 2011 г. ввоз товаров на таможенную территорию Европейского союза может быть осуществлен только после подачи в таможенное учреждение предварительной декларации в электронном виде²⁰.

Таким образом, деятельность органов публичной власти по установлению порядка оказания таможенных услуг требует дальнейшего совершенствования. Первоочередное внимание следует обратить на внедрение информационных технологий. В Послании Президента России

Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ в 2009 г. указывалось, что через 2 года в электронной форме будет предоставляться не менее 60 ключевых государственных услуг²¹. В области таможенного дела реальным представляется оказание таких услуг, как принятие предварительного решения о классификации товара, а также информирование и консультирование.

При этом следует учитывать, что оказание услуг - лишь одно из направлений деятельности таможенных органов, наряду с другими их полномочиями. Основы же соотношения частных и публичных интересов заложены в источниках таможенного права, и в первую очередь в Таможенном кодексе РФ.

¹ Гаврилова Е.П. Развитие партнерских отношений государства и бизнеса на товарных рынках : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006. С. 7-8.

² Комкова Г.Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002. С. 16.

³ Маркина О.В. Совершенствование сервисной функции таможенной службы как приоритетное направление ее развития // Учен. зап. С.-Петербург. им. В.Б. Бобкова фил. Рос. таможенной акад. 2007. № 28. С. 128.

⁴ Бесчастнова Л.В. Административно-правовое регулирование государственных услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 12.

⁵ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ, 2002 г. // Рос. газ. 2002. 19 апр.

⁶ Проект федерального закона «О стандартах государственных услуг» / Центр стратег. исслед. URL: <http://www.csr.ru> (дата обращения: 21.12.2009).

⁷ Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журн. рос. права. 2004. № 10. С. 18.

⁸ О Регламенте Федеральной таможенной службы : приказ ФТС России от 28 нояб. 2007 г. № 1479 (в ред. от 27 нояб. 2008 г.) // БНА федер. органов исполнит. власти. 2008. № 17; 2009. № 4. П. 1.20.

⁹ Дианова В.Ю., Макрусев В.В. Маркетинг в сфере таможенных услуг : учебник. М., 2005. С. 162.

¹⁰ Трунина Е.В. Государственные услуги таможенных органов: признаки, виды, проблемы определения // Современное право. 2009. № 8. С. 22.

¹¹ Старкова О.А. Управление качеством таможенных услуг : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2007. С. 7.

¹² Нестеров А.В. Понятие услуги государственной, общественной (социальной) и публичной // Гос. власть и местное самоуправление. 2005. № 11. С. 43.

¹³ Самойлов А.В. Административно-правовой статус и совершенствование деятельности таможенной

службы в условиях административной реформы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 19.

¹⁴ Справочно-информационный портал государственных услуг. URL: <http://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 13.01.2010).

¹⁵ *Терешенкова А.Ю.* Административные регламенты как этап совершенствования нормативно-правовой базы в сфере таможенного дела // Учен. зап. С.-Петерб. им. В.Б. Бобкова фил. Рос. таможенной акад. 2009. № 1. С. 41.

¹⁶ *Бакаева О.Ю.* Политико-правовые вопросы совершенствования таможенного администрирования // Реализация финансовой, банковской и таможенной политики: современные проблемы экономики и права : сб. науч. тр. (по материалам межвуз. науч.-практ. конф.,

Саратов, 18 апр. 2008 г.) / под ред. Е.В. Покачаловой, О.Ю. Бакаевой. Саратов, 2008. С. 205.

¹⁷ *Зыкова Т.* Светофоры на таможне // Рос. газ. 2004. 5 марта.

¹⁸ *Дудкова В.* Услышать партнера - услышать проблему // Таможня. 2010. № 1/2. С. 15.

¹⁹ *Колесников П.Ю.* Совершенствование таможенных процедур в России на принципах гармонизации и упрощения : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 12.

²⁰ Таможенный кодекс Европейского Сообщества // Регула ЕК 273/2009. 2009. 2 апр.

²¹ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 г. // Рос. газ. 2009. 13 нояб.

Поступила в редакцию 02.02.2010 г.

ВОЙНА И ГОСУДАРСТВО: ДИНАМИЧЕСКАЯ И СУБСТАНЦИАЛЬНАЯ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ Э. ЮНГЕРА

© 2010 Ю.Ю. Родиков

Самарский государственный экономический университет

Анализируется политико-правовая концепция войны, нации и националистической революции немецкого философа Эрнста Юнгера. Исследуются исторические предпосылки данной теории, разъясняется значение ее основных понятий. Раскрывается связь политических идей Юнгера с политико-правовой практикой гитлеровской Германии, и определяются перспективы их применения в современном мире.

При совместном упоминании слов “война” и “политика”, “война” и “государство” вспоминается крылатая фраза: “Война - это продолжение политики другими средствами”. Это слова германского генерала Клаузевица. В Германии претворение этих слов в жизнь стало основой консервативной национальной политической философии. Наиболее центрированное и яркое воплощение основанной на указанной философии политико-правовой теории представляет собой концепция “нового” национализма, националистической революции Эрнста Юнгера.

Исторической предпосылкой данной “концепции борьбы”, идеи политики как “поля боя” стало, во-первых, конкретное осуществление немецкого политического единства. Германия в течение нескольких столетий находилась в состоянии разделения. Это состояние характеризовалось внешне- и внутреннеполитической слабостью и несамостоятельностью отдельных немецких государств, их острым противоборством друг с другом и с более сильными соседями (например, Францией). Чаще всего немецкие государства выступали в роли сателлитов какой-либо мировой державы либо объектом их военной и экономической экспансии. Исключением удалось стать только Пруссии, которая благодаря милитаризации общества, военным успехам и развитой экономике оказалась первой в ряду германских государств и объединила их под эгидой империи. Это свершение сделало новую империю одним из ведущих государств мира в экономическом и военном плане, повысило совокупный потенциал, придало огромную динамику развитию. Но вместе с тем Германии так и не удалось стать единым целым: разница в уровне экономического развития, социальная неоднородность, культурные противоречия делали необходимым почти постоянное использование авторитарно-силовых инст-

рументов властного воздействия для поддержания целостности империи. Также возникла политическая потребность перенаправить энергию противоречий и дезинтеграции в русло объединяющей нацию деятельности, общей борьбы, испытаний и героизма. В германо-прусском варианте это означало ориентацию на политику войны и силы, воплотившуюся в 1914-1918 гг.

Историческую действительность осмысляет философия. Именно здесь мы можем увидеть отражение вышеописанных процессов. Уже немецкая классическая философия в лице Гегеля выработала концепцию германского “мира” как итога и вершины исторического развития человечества. Прусское милитаристское государство в этой философии - государство в высшем смысле, средоточие нравственной идеи свободы, стремящейся к нему в своем диалектическом саморазвитии. Шопенгауэр ввел в философский и общественный обиход пессимистический настрой, экзистенциальный фатализм, стремление к идеальному самоотрицанию воли к жизни. Ницше обогатил теоретические построения Гегеля иррациональной динамикой воли, сформировал миф о сверхчеловеке, живущем “по ту сторону добра и зла”, которому присуще героическое и трагическое мироощущение; критически охарактеризовал современную ему эпоху как путь к торжеству нигилизма. Вагнер видел историю подобной своим оперным произведениям, эстетически выраженной битвой сил добра с хаосом и неумолимостью судьбы, в которой героической личности суждено только одно - с честью погибнуть. Шпенглер и близкие к нему мыслители окончательно сформировали философию кризиса, упадка, завершения истории, цивилизации “заката Европы” и мира, времени, когда борьба, трагическая гибель культур и наций становится судьбой, имеющей высшую ценность вне зависимости от каких бы

то ни было закономерностей природы или ложных псевдогуманистических и псевдорациональных исторических смыслов. Хайдеггер, Шеллер и некоторые другие придали всем этим философско-поэтическим видениям исторической действительности рафинированно-интеллектуалистскую, академическо-научную, совершенную и теоретическо-абстрактную форму.

Первая мировая война, давшая исторически и философски образованным немцам практический опыт героической жизни и смерти, борьбы за идею Великой Германии не на университетских кафедрах, а на поле боя, способствовала превращению умозрительных, абстрактных теоретических концепций в философскую основу новой политики, практического политико-правового мировоззрения, политики нового национализма и националистической революции. Юнгер писал: “Война - наш отец, он зачал нас, новое племя, в раскаленном чреве окопов, и мы с гордостью признаем общее наше родство. А потому наши ценности будут ценностями героев, воинов, но никак не торговцев, что готовы весь мир мерить своим аршином. Мы не задумываемся о пользе и практической выгоде, нам ни к чему комфорт, нам нужно только необходимое - то, чего хочет судьба”¹. Уже в этом кратком высказывании представлены три главные идеи, формирующие политическое мировоззрение Э. Юнгера:

1. Национализм - идея нации как новой органической формы политического единства, чьей субстанциональной формой является обновленное государство.

2. Антибуржуазность - системная критика развитого капиталистического строя и связанных с ним властно-политических, культурных и психологических комплексов представлений.

3. Война - идея новой динамики развития личности, общества и государства, осуществляемого гештальтом, типом рабочего-фронтовика (в неклассовом смысле), мобилизующего все наличные материальные средства и собственную энергию действия для целей тотальной модернизации.

Остановимся на каждой из этих основополагающих идей подробнее.

Первый краеугольный камень концепции войны и политики Э. Юнгера - *национализм*. Эта категория модифицируется в культурологическом и философском плане. Когда Э. Юнгер говорит о нации, под ней подразумевается нечто иное, чем, например, в логической связке “национальное го-

сударство”. Нация не имеет столь строгих пространственных рамок, как территориальные границы. Нация - необходимая предпосылка государственного образования, но не наоборот, что доказывается примером еврейского народа, который, будучи пространственно дезинтегрирован, сохранил национальную идентичность и самоидентичность.

Здесь же проходит линия разделения с расовым биологизмом, проецируемым на политическую сферу. Основа нации - человек с героическим восприятием жизни, мужественный, торжествующий над опасностью, чей дух воина побеждает силу тотально мобилизованного, подавляющего технического мира. Он имеет идею и готов за нее сражаться. Он не замуривает глаза от страшных картин смерти, которые он видел на войне и, вернувшись домой, не проводит жизнь в приступах депрессии, стимулируемой жалостью к самому себе. Фронтовик пережил войну как подвиг - как величайшее событие в жизни, своей и человечества. Главное, что вынесено им из опыта войны, - это представление о чести, человеческой, а не сословной или классово-товарищеской, спаянной кровью, а не деньгами или абстракцией интересов; о единстве героической нации, а не атомизированном хаосе псевдогражданского общества; о совместной битве за родину как о конечном оправдании бытия, а не о битве честолюбивых партийных функционеров за места в парламенте и министерские кресла.

Таким человеком может быть представитель любого национального государства, любой расы, вероисповедания. Всякая дискриминация в данном случае немыслима сама по себе. Эрнст Юнгер приветствует братьев-фронтовиков во Франции, Англии, Америке, Турции. И в Германии любой человек, чей характер сформировался “в стальных грозах”, кто готов придать существованию себя и мира смысл, пусть и ценой собственной гибели, у кого есть воля и характер для постановки такой цели и ее достижения², может именовать себя немцем. Справедливости ради стоит сказать, что Юнгер в своих политических статьях, большая часть из которых написана в 1920-1930-е гг. и которые служат, пожалуй, главным выражением его собственно политических взглядов, не смог избежать нападок на евреев как народ и носителей определенного культурного типа. Так, в статье “О национализме и еврейском вопросе” автор сравнивает еврея с дельцом, продающим и

покупающим ценности, с тем, кто может извлечь выгоду из всего, даже из антисемитизма; еврей становится врагом нового гештальта нации: "...хотя тем, кто стоит на... новой германской позиции в ее чистом виде, до цивилизованного еврея нет никакого дела, однако в его лице они неизбежно получают противника, потому что будут нести прямую угрозу для его существования"³.

Сформированный в соответствии с критерием национализма в юнгеровском понимании тип характера входит в явное противоречие со сложившейся к тому времени окончательно системой общества, экономический базис которого составляет капиталистическое хозяйство, в политико-правовом аспекте характеризующееся определяющим влиянием буржуазии - общественной группы с весьма нечеткими границами. Национализм, таким образом, приобретает *антибуржуазный характер*. Антибуржуазность эта в корне отличается от основного настроения марксизма в его коммунистическом варианте. Определяющим здесь является не классовый антагонизм, не диалектика линейного исторического развития, повторяющая материалистическую логику в ее весьма спорном варианте. Акцент смещается в сферу политического. Буржуазна или небуржуазна общественная организация в целом, а не отдельные ее элементы. Буржуазны рабочие, равно как и крупные промышленники; буржуазно крестьянство и интеллигенция, аристократия и деклассированные элементы. Буржуазен даже марксизм. Классы, замкнутые в своих законченных дефинициях, превращаются, взаимодействуя друг с другом, в самовоспроизводящуюся машину классовой борьбы. Продукт, производимый этой машиной, - она сама. Победа того или иного класса в борьбе - не более чем иллюзия. Как и линейно-прогрессивное историко-государственное развитие. Буржуазная политико-правовая философия не стремится разрешить ту или иную проблему развития, а "стремится, чтобы с этой проблемой не было покончено"; она не участвует в "деле действительного освобождения человечества"⁴.

Для маскировки этой своей сути буржуазная система использует сложные передаточные механизмы реализации народного суверенитета, порождает либеральные теории общественной жизни, провозглашает автономию личности не только от таких понятий, как долг, служение государству, но и от этических основ самой же лич-

ности, провозглашая подавляющее значение совокупности потребностей, первичных и вторичных. Любая форма солидарности оказывается изначально дискредитирована. "Война всех против всех" не начинается по единственной причине: каждый член общества слишком привык к комфорту, социальным благам, имущественному достатку, мягкости нравов и терпимости, чтобы менять установившееся положение вещей, даже с целью реализации своих непомерных потребностей, которые в остальном полностью определяют его волю.

Представители народа - буржуа не станут воевать; война - это слишком неэстетично и оскорбляет изнеженный художественный вкус. Вместо какой бы то ни было борьбы духа, воли и характера развивается система партий, делящих места в парламенте. При этом тоже иногда льется кровь, однако от того государственный организм лишь внешне крепнет, погружаясь в кому политического безразличия. Политическая сфера отделяется от непосредственной жизни граждан и планомерно деградирует. Государство из субстанциональной основы нации становится еще одним полезным производением технического разума человека, обеспечивающим удобство публичной игры в народное волеизъявление, каналом, отводящим излишние потоки духовной энергии. Чтобы наполнить жизненным содержанием политику, достичь самосознания в рамках нации, необходимо придерживаться "большого стиля во всем": в бытовых вопросах так же, как и в сражениях за страну. Компромисс должен быть исключен из арсенала политического действия. Ту степень свободы, которую человек получил на полях мировой войны (имеется в виду прежде всего Первая мировая война), он должен сохранить и преумножить. Дух воинства не ушел в прошлое вместе с войной. Буржуазное спокойствие будет отринуту, соображения покоя перестанут подавлять всякую способность к принятию решения в исключительной ситуации, каковой является в общем-то каждая ситуация принятия политического решения. Националистическая революция должна вызвать перерождение государственных структур. Они должны стать боевыми союзами, в которых коллективно воплощенный гештальт рабочего производит тотальную мобилизацию жизненных сфер, материальных и человеческих ресурсов для обеспечения господства над собственной силой. Националистичес-

кая революция подготовит возвышение “Тайной Германии”. “Тайная Германия” - государство, которое в решающий момент сменит своей субстанциональной сущностью мертвую оболочку механизированной власти. Кабинетные построения интеллектуала будут проверены реальностью и из-за внутренних противоречий не смогут оказать на нее никакого определяющего влияния. И уступят бытие истинным идеям, придающим всякому закону, всякому слову, проявлению управляющей воли смысл, за который можно будет умереть и за который стоит жить.

Третий элемент концепции Эрнста Юнгера - война как динамическая основа политической сферы. Помимо указанной выше роли войны в формировании личности нового типа, политического субъекта, способного сформировать нацию в духе идей нового национализма и националистической революции, она должна была превратиться в основу легитимности и любого рода легальности. Таким образом, радикальной критике подвергался правовой позитивизм и правовая политика Веймарской республики.

Правовой позитивизм, определявший логику Веймарской конституции и основанной на ней государственной системы, отождествлял реально наличное, должное и абстрактно значимое (либеральные ценности). Возможно, этот теоретический посыл когда-нибудь и стал бы действительностью, если бы не определенные дефекты функционирования механизма власти. Веймарская республика являлась легальным образованием, значит, по идее своих основателей, заключала в себе средоточие и реальное воплощение легитимизирующей воли народа. Государственный строй (носящий во всех моментах характер компромисса) давал всем социально-политическим силам инструменты влияния на принятие решений. Эти силы, воплощаясь в различных институтах государства, нейтрализовали друг у друга волю к действию, находились в постоянном и напряженном соперничестве. Для стабилизации республиканского строя на этапе его становления конституция давала рейхсканцлеру исключительные полномочия, вплоть до приостановления действия на всей территории страны или ее частей основных прав и свобод. Рейхспрезидента называли “эрзац-кайзером”. Его фигура выступала гарантом стабильности политического режима.

Но при слабости парламентской системы, антидемократическом и склонном к союзу с ре-

акционными правыми кругами рейхспрезиденте и таких рейхсканцлерах, как Франц Папен, Курт фон Шлейхер и Адольф Гитлер, конституция, подобная веймарской, самоидентификация народа с которой серьезно затруднена, превращается в самоотрицание политико-правового либерализма. Республика, наделенная конституцией субстанционально бессодержательной правовой основой, но лишенная динамики в политической сфере, разрушается под влиянием неспособности к ответственному действию. Можно привести пример из эссе Юнгера “Рабочий”, иллюстрирующий указанные процессы: “В этом состоянии расцвели пышным цветом все силы разложения, все отжившие, чуждые и враждебные стихии; увековечить его любой ценой является их тайной целью”⁵.

Для Юнгера политическая власть - воля к решению, противостоящая позитивистскому нормированию. Это действие, не ориентированное на эффективность и успех, каким в теории является позитивистский закон. Это ориентация на смыслообразующую действительность национальной жизни. Нация - высшая необходимость. Юнгер пишет: “То, за что гибнут мужчины, не бывает бессмысленным... Увенчаются ли эти наши усилия успехом, мы не знаем; мы знаем точно одно - они полны смыслом”⁶.

Привнесение морального суждения в право войны из искаженной сферы гражданского общества превращает войну героических народов, их честное состязание в рамках мировой истории в войну против врага морали (коим, естественно, всегда является противник), открывает путь стихии деструктивного⁷. Эрнст Юнгер, делающий героическое понятие чести и воинское братство смысловым ядром идеи национализма, стремится перенести право войны как состязания индивидуальных и народных субъектов в обыденную действительность, преодолевает “нормальную ситуацию”, проводит деморализацию политической сферы. Законы и право из воплощения моральных концепций “справедливого” и “несправедливого” превращаются в выражения категорического императива долга, определяемого процессами тотальной мобилизации предметного мира. Государство же как органическое единство, все властные механизмы и аппаратные средства управления оформляют политическую сферу, становящуюся объектом приложения динамической энергии гештальта Рабочего - собственной динамикой полити-

ческого, определяющей “одновременность, однозначность и предметность переживаний”⁸ органического единства национальных структур.

В действительности Германия пошла по пути, прямо противоположному тому, который представлял себе Юнгер. Государственный национализм после 1933 г. получил расистский, социалдарвинистский характер, превратившись в концепцию расовой исключительности. Вместо героического единства нации, борющейся за свое будущее, действительным стало единство механических исполнителей воли фюрера, единство унификации, единство бесправия. Вернее, одно “право” признавалось за каждым - отдать свою жизнь Адольфу Гитлеру и умереть по его приказу. Тотальная мобилизация творческой энергии гештальта Рабочего в реальности уступила место опутавшей всю страну, подчиняющей себе каждого человека во всех его проявлениях партийной, военной и прочей бюрократии, беспримерной в своем роде. Боевые союзы, фрайкоры, не стали опорой нового государства; “фронтовые братства” нацисты ликвидировали бюрократически или с помощью террора. СС - преступная организация - теперь олицетворяла элиту нации. Война как способность к ответственному решению и динамическая основа всех элементов политической сферы общества была заменена военной авантюрой по агрессивному насильственному захвату других стран, геноцидом целых народов, величайшим бедствием в истории человечества. Восторжествовал и правовой позитивизм: конституция - основной закон - не была отменена нацистами; она предоставила им нормативно закреплённую и легальную возможность делать под видом права все, что им угодно, и продолжила свое существование в качестве формальной основы государства, не притязая на роль чего-то большего, нежели простая театральная декорация. “Тайная Германия” так и осталась неосуществленным проектом.

В настоящее время процессы глобализации мировой экономики, сближения правовых и политических систем ставят перед политико-правовой наукой новые задачи, появляются новые проблемы, требующие разрешения. Например, поиск путей урегулирования социальных конфликтов,

лежащих за рамками социалистических, капиталистических или авторитарных формул единства общества. Существенен вопрос: является ли либерально-демократическое устройство универсальной для всех стран политико-правовой моделью, а если да, как происходит ее приспособление к специфическим условиям национальной государственности? Юнгеровское понятие нации, будучи предельно емким по содержанию, помогает избежать односторонности понимания членов общества как просто граждан, избирателей, объекта нормативного государственного регулирования или участников экономических отношений и позволяет выработать общее понимание национального интереса, содержания процесса самоопределения наций. Учет субъектами власти юнгеровской критики механизма государства, буржуазного понимания правопорядка, правового позитивизма морализации и криминализации войны позволит выработать собственно политические решения многих проблем мировой безопасности, в частности разрастания локальных военных конфликтов, террористической угрозы и многочисленных структурного характера сбоев в управлении государством и реализации управленческих решений на различных уровнях, включая международный.

Таким образом, перед современными исследователями стоит задача в свете современной ситуации проанализировать концепцию политики, предлагаемую Юнгером, высвободить ее жизнеспособные элементы для творческого освоения как наукой, так и политической практикой. Их осознание послужит недопущению в будущем роковых для человечества ошибок.

¹ Юнгер Э. Националистическая революция : полит. ст. 1923-1933 гг. // Марш национализма. М., 2008. С. 57.

² Там же. С. 70.

³ Там же. С. 221.

⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007. С. 82.

⁵ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. СПб., 2002. С. 349.

⁶ Юнгер Э. Националистическая революция. С. 69.

⁷ Шмит К. Теория партизана. М., 2007. С. 82-83.

⁸ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. С. 390.

Поступила в редакцию 06.02.2010 г.

ANNOTATIONS TO THE ARTICLES

Law and Economics Issues. 2010. № 2

LEGAL INTERPRETATION, ITS CONCEPT AND STRUCTURE

© 2010 M. Beliaev

In the article the author investigates legal interpretation, exactly subjects, main forms of his activity strategies, his functions. As a new scientific result of this research has been integrated concept of legal interpretation formulate. This type of interpretation has been as creative, renovational, in legal reality happened process described.

TO A QUESTION ON A CATEGORY “THE SUBJECT OF PUBLIC LAW”

© 2010 E. Milova

In clause some aspects, concerning categories “the subject of public law” are mentioned, the concept of “the public subject” is given, different kinds of public law subjects are defined.

ON THE CRIMINAL RESPONSIBILITY OF THE DEBTOR OF THE OUTSTANDING MONEY OBLIGATIONS

© 2010 A. Maksurov

Discusses the various cases of the clients of banks and other credit organizations, not to fulfil their obligations and their validity.

THE MAIN DIRECTIONS OF THE FUNCTIONING OF THE INSTITUTIONAL AND LEGAL FRAMEWORK IN THE FIELD OF INVESTMENT ACTIVITY IN THE REGION

© 2010 S. Samsonov

In this article author considers economic and legal essence, basic directions of the functioning of domestic institutional-legal mechanism in the sphere of investment activity of region.

ABOUT THE LAW OF VALUE. THE CONCEPT OF TWO ECONOMIC ECONOMIC BALANCES

© 2010 A. Alpatov

The article concerns one of the urgent issues - the research an objective laws economical systems. The aim of this article is to present of most clear picture about the law of value. The author also made an attempt to analyze two spheres of its action.

**RIGHT TO REPRESENTATION AND RIGHT TO DEBATE - STRUCTURAL ELEMENTS
OF PARLIAMENTARISM**

© 2010 V. Tokarev

The author considers the current problems of representative democracy in the interpretations of classics of political and legal thought of Modern Time. The basic attention is given to value of discussion for decision-making by legitimate representatives of people.

**CUSTOMS SERVICES AS RESULT OF INTERACTION PRIVATE AND PUBLIC
IN THE CUSTOMS LEGISLATION**

© 2010 G. Kolesnikov

Such form of interaction of private and public subjects as rendering of customs services is considered. Author's definition of customs services is offered, their characteristic features are developed. The maintenance of the administrative rules establishing the order of rendering of customs services is analyzed.

**WAR AND THE STATE: DYNAMIC AND SUBSTANCIAL BASICS
POLITICS SOCIETY CONCEPT**

© 2010 Y. Rodikov

Analyses the political and legal concept of war, the nation, and the Nationalist revolution German philosopher Ernst H. Ingera. Examines the historical background of this theory explains the value of its basic concepts. Opens the link political ideas H. Ingera with politico-legal practice, Nazi Germany and the prospects for their application in the modern world.

Памятка автору

Как правильно подготовить статью в “Вопросы экономики и права” на персональном компьютере

Материал статьи представлять *на электронном носителе* в программе Word (дискета с одним файлом, содержащим последний вариант статьи) и в виде *четкой распечатки на бумаге*, точно соответствующей файлу.

Набор текста

тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **14 пт**
абзацный отступ 0,5 см (устанавливать
через окно “Абзац”, **не пробелами**
и не табуляцией)
межстрочный интервал “полуторный”

Набор таблиц

тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **13 пт**
линейки внешние (рамка) **1,5 пт**
линейки внутренние **0,75 пт**

Набор формул

в редакторе формул
все символы прямым шрифтом

Набор ссылок на литературу (сноски)

размещение в конце статьи
(меню “Вставка” подменю “Сноска”)
тип шрифта **Таймс**
размер шрифта **12 пт**

Рисунки (графики, диаграммы)

в редакторах Word, Excel - **только черно-белые**

! Запрещается вставлять в статью сканированные рисунки (графики, диаграммы)

! Использовать стиль “Normal” или шаблон “Обычный”

*При нарушении требований к оформлению материалов
рукописи не публикуются!*

**НАЛОГОВЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ**

© 2008 Э.В. Вязова

Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, г. Уфа

Рассматриваются вопросы налоговых расследований, перед которыми стоит сложная задача - выявить факт неуплаты налогов в бюджет, зафиксировать его путем проведения экономического исследования всех необходимых финансовых характеристик и рассчитать размер сокрытых доходов, используя не прямые методы определения сумм налогов.

(Текст статьи)

TAX INVESTIGATION AS AN ANALYTICAL COMPONENT OF CONTROL

© 2008 E. Viazova

Tax investigation is aimed at a complicated task - revealing of tax non-payment into the budget, their stating due to an economic research of all necessary financial characteristics, calculating the amount of income concealed by means of using indirect methods of determining the amount of taxes.

